

18+

Анатолий Тусев

*Между
прошлым
и будущим*

Рассказы

Анатолий Гусев
Между прошлым
и будущим. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69168319

ISBN 9785005991584

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В сборник вошли рассказы о наших современниках, простых людях, их жизненные истории, начиная с 90-х годов прошлого века и кончая сегодняшним днём.

Содержание

Подстава	5
Ожиданием своим, ты спасла меня...	24
Синева	41
Сотовый телефон	47
Детская площадка	52
Между прошлым и будущим	72
Прогулка	86
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Между прошлым и будущим Рассказы

Анатолий Гусев

© Анатолий Гусев, 2024

ISBN 978-5-0059-9158-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Подстава

Во времена СССР утверждали, что лучше Северный Кавказ, чем Южный Сахалин. Но в девяностых годах всё круто поменялась, и Денис Тимошин считал везением службу в армии именно на Сахалине, а не на Кавказе. Дома его ждала девушка Юля. Когда Денис вернулся она стала его женой. Всё было хорошо, кроме работы, её не было. И молодожёны совместили свадебное путешествие с коммерцией. Они отправились в Польшу. Там купили, здесь продали. Потом переключились на Турцию. Их челночный бизнес процветал. В 1998 году к августу у них скопились доллары, которые они собирались отвезти в Турцию, но американская валюта резко выросла в цене на Родине, и денежная масса в рублёвом эквиваленте у четы Тимошиных оказалась очень приличной суммой. На семейном совете её решили не везти в Турцию, прекратить кочевой образ жизни, а осесть поближе к родному дому, то есть купить палатку и торговать там сигаретами, жвачкой, пивом и всем остальным, что пользуется спросом у населения.

Сказано – сделано. После некоторого мытарства палатку открыли, Юля с подругой попеременно, два через два, торговали, Денис снабжал палатку товаром. Всё шло хорошо до следующего лета.

А летом, в августе, Юля не выбила чек. Вообще-то чек

редко выбивали, уходили от налогов, но в этот раз Юлия не выбила чек участковому милиционеру. Он, улыбаясь, сверкнул корочками, вошёл в палатку.

– Будем составлять протокол?

– Составляйте, – пожала плечами Юля.

Участковый сел на стул, разложил бланки протоколов, оглядел сальным взглядом фигуру Юлии и сказал с гаденькой ухмылкой:

– Немного не традиционного секса и будем считать инцидент исчерпан.

Юля оторопела от такой наглости.

– Что? – сказала она, нахмутив тонкие брови. – Вы форму одели и считаете, что вам всё позволено?

– Но это в ваших интересах, меньше расходов.

Юлю затрясло от возмущения.

– Пишите протокол, не отвлекайтесь.

И с этого дня началось. Участковый подлавливал Юлию на не пробитии чеков и отсутствием сертификатов. Попытался подловить на просрочке, но потерпел поражения: в палатке товар не залёживался, Юля и Денис строго следили за этим. И как-то странно, один за другим в палатке с проверкой появились санэпидемстанция, налоговая и пожарники. Отбиться, отбились, но семейное предприятие терпело убытки. А участковый с той же гаденькой ухмылкой предлагал решить все вопросы при помощи традиционного или не традиционного секса.

Юля вымоталась морально, она рассказала об этом мужу и, даже, расплакалась. Денис сжимал кулаки и угрожающе произнёс:

– Я убью его.

– И тебя посадят, – сказала Юля, – он же при исполнении, мент, у них корпоративная солидарность.

– Ну и что? Пусть сажают. Ты моя жена, я должен тебя защищать от всяких уродов.

– Никому ты ничего не должен, Дениска. Если ты уедешь далеко и надолго, что я тут буду делать одна?

– Но что-то делать надо.

– Надо, – согласилась Юля. – Позвони Андрею Нестерову. Он юридический закончил, адвокатом хочет быть. Пускай нас защищает.

– Защищает? Он всего месяц, как дипломированный специалист и безработный. Мало ли чего он хочет. Его без опыта никуда не берут.

– Вот он на нас и потренируется, опыт приобретёт.

Денис вздохнул, задумался.

– Хорошо, чем чёрт не шутит, сейчас позвоню, приглашу его к нам. Только мы пиво пить будем.

– Пейте, что хотите, – разрешила Юля, – только бы он избавил меня от этого урода.

Парни за столом на кухне пили пиво прямо из бутылок. Юля сидела в стороне от них на табуретке за разделочным столом и в распитии пива участия не принимала. Они зна-

ли друг друга с детства, учились в одном классе. Юля даже сидела с Андреем за одной партой. Но потом их пути разошлись: Денис и Юля поженились, а Андрей ещё не нагулялся.

– А перенести палатку куда-нибудь подальше, не вариант? – сказал Андрей, открывая вторую бутылку пива.

– Из-за этого уroda? – возмутилась Юля.

– Не вариант, Андрюх, – стал объяснять Денис, – это геморрой ещё тот. С налоговой, с перевозкой и где гарантия, что он и туда не припрётся?

– Ага, – глубокомысленно произнёс Андрей, – а пробивать чеки?

– Разоримся. Если бы сумма всех налогов была 10—12%, то выбивали бы и всё платили, а когда больше пятидесяти... Кто будет работать себе в убыток? И даже не в этом дело. Я её муж, я обязан её защищать. У меня огромное желание набить ему морду.

– А если он тебе набьёт, Дэн?

– Это почему? – удивился Денис.

– А почему нет? Он мент, физическая подготовка, тренировки...

– Да я был лучшим по рукопашному бою в полку! – обиделся Денис.

– Ну, когда это было.

– Не так давно.

– Я так думаю, – задумчиво сказал Андрей, – что это

не важно кто кого побьёт. Посадят всё равно тебя. Юлька права. Он при исполнении и всё такое. А ты кто? На права не сдал ещё?

– Нет ещё.

– Вот поставит тебе мент фингал под глазом, и будешь ты с фингалом на правах.

– Не буду. Я уже с фотографировался.

– А вождение не сдал, – ехидно сообщила Юля.

– Там никто не сдал. Сдам, уже договорился за сколько.

– Мне вот интересно, – сказал Андрей, – каково это при-
езжать на экзамен по вождению на собственном автомобиле?

– Нормально.

– А по городу как без прав едешь?

– Аккуратно. Меня батя в четырнадцать лет за руль поса-
дил. Прав нет, как-то получить их руки не доходили.

– Нарушаешь, значить, – Андрей приложился к бутылке
с пивом. – Юля, а скажи пожалуйста, этот мент часто к тебе
в палатку приходит?

– Каждый день, когда работаю и Дениса в палатке нет.
Стоит тихо, если я его не замечу и не пробью чек, то врывает-
ся в палатку. Слева от меня не видно кто стоит и стоит ли
вообще. Он этим и пользуется.

– Хорошо. А по времени?

– По-разному, но обычно где-то в час дня, плюс минус.
В это время я всегда чеки пробиваю.

– Понимаешь, Андрюх, я сдавать вождение буду, а этот

урод в это время мою жену за задницу хватать будет.

– Я такое ему не позволяю, – обиделась Юлька.

– Юля не обижайся, это твой муж фигурально сказал.

А кто у тебя, Дэн, экзамен принимать будет?

– Капитан, начальник их, имени не знаю. А тебе зачем?

Андрей проигнорировал вопрос друга и задал свой:

– Начальник? Прекрасно, на ловца и зверь бежит. И ты знаешь за сколько сдашь вождение?

– Конечно.

– Чудненько. Есть идея.

В учебном центре ГИБДД Денис беседовал со своим инструктором.

– Я в назначенный день прийти не смогу. Дело на сто миллионов. Можно как-то без меня?

– Да ты совсем оборзел? – возмутился капитан и показал Денису два растопыренных пальца.

Денис понял, что цена за экзамен увеличилась в два раза, но решил проверить. Он развернул калькулятор в свою сторону, набрал на нём цифры и повернул его к инструктору. Они сидели за одним столом напротив друг друга.

– Я вас правильно понял?

Инспектор посмотрел на дисплей калькулятора и сказал:

– Правильно.

– Я бы ещё бы хотел и права получить в тот же день, я вечером явлюсь за ними.

– Являются черти. Совсем охамел, парень.

Капитан набил цифры на калькуляторе и повернул его дисплеем к Денису. Денис посмотрел и набил другие цифры и развернул калькулятор к инструктору. На лице милиционера появилась довольная улыбка.

– Ну, это полностью меняет дело. Что же ты сразу не сказал? Раз такие обстоятельства, то, конечно, надо войти в положение. Только вот фотографию твою надо.

– Вот, – сказал Денис и выложил свои фотографии.

– У нас свой фотограф, – изрёк капитан.

– Не будем мелочиться, – сказал Денис и набрал на калькуляторе новый ряд чисел.

– Хорошо, не будем, – согласился капитан.

– Договорились? – уточнил Денис.

– Почти, – сказал инструктор.

Денис покопался в своём «дипломате», достал оттуда газету и положил её перед инструктором. Утолщение по центру свидетельствовало, что это не просто газета.

– Почитайте, – сказал Денис, тыкая пальцем в газету, – здесь статья интересная.

– Некогда читать, парень, работа, но дома внимательно прочитаю.

С этими словами инструктор взял газету и положил её в портфель.

– Прочитайте, товарищ капитан. До свидания.

– Всего доброго.

Юля торговала в палатке, волновалась, время двигалось

к часу дня. Тут подошёл покупатель в тёмных очках и ещё козырёк бейсболки закрывал ему пол лица, протянул деньги, попросил сигарет. Юля протянула сигареты и сдачу, чек не выбила. И тут в окошко палатки просунулась рука с развёрнутом милицейским удостоверением, а вслед за ним ехидное лицо участкового.

– Опять не пробили чек, Юлия Владимировна. Окошко закройте, а дверь откройте. Гражданин, купили сигареты? Ну, и идите своей дорогой.

Юля закрыла окошко и тут же выбила чек, оторвала его и бросила в коробку из-под блока сигарет, где лежали не востребованные покупателями чеки и пошла открывать дверь.

Участковый ворвался в палатку с каким-то безумным взором карих глаз. Юля с визгом отскочила в другой конец палатки. Милиционер крепко прижал женщину к себе и впился своими губами в её губы. Юля со злостью оттолкнула его.

– Вы сдурели, Юрий Егорович!?

– Что ты ломаешься, Юленька? Давай всё решим полюбовно в прямом смысле.

– В каком ещё смысле, старший лейтенант Лаптев? Я замужем и собой не торгую. Вы адресом ошиблись, Юрий Егорович, – прошипела Юленька.

– Причём здесь «замужем», Юля? От тебя не убудет, а муж не узнает.

– А вы удовольствие получите. Вам что, девки не дают, вы до меня домотались?

– Ты мне нравишься, Юля и ваше ИП материально не страдает.

– Ты всех баб считаешь шлюхами, товарищ старший лейтенант?

– Нет, – растерянно замотал головой Лаптев.

– Только меня?

– Ну, Юля...

– Зачем вы сюда пришли, товарищ старший лейтенант?

– Ты чек не выбила...

– Я выбила чек, – перебила его Юля, – но не буду спорить, это всё равно бесполезно, пишите протокол, пополним казну родного государства.

– Я бы хотел, чтобы ты расплатилась натурой.

Юля улыбнулась.

– Натурой? На тебе четыре тысячи, хватит?

Лаптев покорно забрал деньги, положил их в портмоне, а его положил в карман форменных брюк и вдруг бросился на Юлю, прижал к себе и попытался расстегнуть ей джинсы.

Юлька завизжала и тут же в палатку ворвался мужчина в вязанной чёрной шапке-балаклаве, в чёрной майке и почему-то в зимних кожаных перчатках тоже чёрных. Он развернул участкового на себя и с разворота ударил его кулаком в левый глаз. Старший лейтенант отлетел к двери, ударился о стеллажи с товаром и грохнулся на пол. Налётчик нагнулся над ним и стал колотить его двумя руками, потом немного остыл и прорычал Юльке грозно:

– Чего стоишь, стерва? Деньги из кассы давай, сучка дра-
ная!

Юля покорно отдала грабителю деньги. Участковый по-
пытался было подняться, но налётчик уложил его одним уда-
ром кулака в лоб со словами:

– Лежи смирно, мент позорный.

После чего грабитель встал и не спеша удалился из палат-
ки.

– Вставайте, Юрий Егорович, он ушёл, – сказала Юля.

Участковый лежал в нокауте. Юлия с удовольствием от-
весила ему внушительную пощёчину, чтобы он пришёл в се-
бя. Юрий Егорович открыл глаза.

– Протокол писать будите, господин Лаптев? – спроси-
ла Юля.

– Какой протокол?

– Палатку нашу ограбили у вас на глазах, Юрий Егоро-
вич, – ехидно сообщила Юлия.

– Ой, блин, – протянул участковый, держась за голову.

– ... и макароны. Так протокол здесь пишите или в отде-
ление идём?

– В отделение. Это не ограбление, это подстава. Это твой
муж был, Юлия Владимировна, я его по голосу узнал.

– Не врите, господин Лаптев. Вы с моим мужем разгова-
ривали всего один раз. Как вы могли его голос запомнить?

– А вот запомнил. Идём в отделение.

Юля кивнула головой, закрыла окошко в палатке, сняла

кассу, выбила X и Z-отчёты.

– Я готова, идём?

По дороге в отделение они случайно встретили Андрея.

– Ой, тут такое случилось, – затараторила Юлька, – нашу с Дениской палатку ограбили среди бела дня на глазах товарища старшего лейтенанта. Представляешь? Андрюш, ты же юридический окончил? Адвокат? Будешь меня защищать, а то мне страшно. Это мой одноклассник, Юрий Егорович. Этот бандит, как он его бил, как он его бил. Бедный Юрий Егорович. Ну, ты пойдёшь со мной? Если не занят, конечно.

– Пойду, что же с тобой поделаешь? – с неохотой согласился Андрей.

В отделении милиции они сразу же направились в кабинет начальника, полковника Орлова Геннадия Викторовича. Он оглядел своего подчинённого с головы до ног. Вид у старшего лейтенанта был жалок: избитый, в кровоподтёках, в мятой форме.

– И что случилось? – спросил полковник.

– Ограбление века, – выпалила Юлька.

– Ну, не совсем, – сказал Андрей, – ограбили палатку господ Тимошиных, Дениса Валентиновича и Юлии Владимировны. Вот потерпевшая как раз Юлия Владимировна. А я их одноклассник, Нестеров Андрей Александрович, я в этом году окончил юридический, адвокат, считайте, что это моё первое дело.

– Прекрасно, – сказал полковник, – так что же всё-таки

случилось?

– По словам потерпевшей, в торговый павильон «ИП Тимошин» ворвался грабитель, нанёс товарищу старшему лейтенанту телесные повреждения и отобрал наличную выручку из кассы.

– Это так, товарищ старший лейтенант?

– Так точно.

– И что вы делали в торговом павильоне?

– Я заметил, что гражданка Тимошина не пробила чек и я решил привлечь её к административной ответственности. Но тут ворвался её муж под видом грабителя и нанёс мне телесные повреждения. Я узнал его по голосу.

– И в чём одет был злодей? Вы заметили?

– Заметил. В чёрной майке, «балаклаве» и зимних перчатках.

– И на лыжах, – криво усмехнулась Юлия.

– Вы, гражданка Тимошина, лучше разглядели грабителя, – предположил полковник. – В чём он был одет?

– Джинсы, кроссовки, чёрная майка, шапка эта с прорезями, черная. Перчаток не было, я сама ему выручку отдавала, я точно видела, а товарищу старшему лейтенанту они со страху привиделись.

– Я не испугался, – возразил Лаптев, – нападение было неожиданно, но я точно помню, что нападавший был в зимних перчатках.

– А где сейчас ваш муж, гражданка Тимошина? – спросил

полковник Орлов.

Юля посмотрела на часы на одной из стен кабинета.

– В ГАИ на права сдаёт, в смысле в ГБДД.

– И давно он там?

– Ему к часу надо было подъехать.

– Что же, это легко проверить, – сказал полковник. – Сотового телефона нет?

– Мы что, бандиты? – обиделась Юля. – Его у вас, в милиции регистрировать надо, разрешение получать, можете проверить.

– Проверим, – пообещал полковник. – а пока оперативник съездит в ГИБДД и проверит: был ли там ваш муж.

– Можно мне с ним? – попросил Андрей.

– Да пожалуйста.

– А Юлия Владимировна в коридоре поскучает, надеюсь, что её в милиции не обидят и приставать не будут.

– В каком смысле «приставать»?

– А это вы, Геннадий Викторович, у старшего лейтенанта спросите.

– Лаптев? – рыкнул полковник.

– Ничего такого, – замотал головой участковый.

– Вернёмся, поговорим, – пообещал Андрей.

В ГИБДД капитан ошалело смотрел на опера, побледнел, в глазах его мелькнул страх, но он взял себя в руки, нахмурился и спокойно сказал:

– Тимошин? Денис Валентинович? Сдавал, конечно,

с небольшими помарками, но, в целом, сдал хорошо. Что-то случилось?

– Есть подозрения, что его здесь не было, а был он в другом месте и избил нашего сотрудника. Нанёс лёгкие телесные.

– Не может быть, – сказал капитан, – я лично у него экзамены принимал. Да он должен права получать. Иванов, ты же знаешь Тимошина, найди его.

Вскоре Иванов привёл Дениса. На Денисе надета белая футболка с надписью «Turkey» на фоне пальмы и моря.

– В чём дело, товарищ капитан? – спросил удивлённый Денис. – О, Андрюха! Ты чего тут делаешь?

– Вот приехал с оперуполномоченным. Твою палатку ограбили.

– Что? Как? Много взяли?

– Это надо у Юли уточнить. Тебя обвиняют в ограблении собственной палатки и в избиение участкового милиционера.

– Меня? С ума сойти! Да я почти целый день здесь. И когда это было?

– Около часа дня.

– Я как раз вождение сдавал. Товарищ капитан, подтвердите.

– Подтверждаю. Парковку немного смазал.

– Это у вас столбики не ровно стояли.

– Столбики стояли как положено.

– С этим вы потом разберётесь, – сказал оперуполномоченный, – а сейчас с вас, товарищ капитан, надо снять показания.

После всех процедур Денис сказал Андрею и оперуполномоченному:

– Подождите меня у входа. На моей «ласточке» поедem.

Как только за Андреем и опером закрылась дверь, капитан ГИБДД с гневом вскричал:

– Это подстава, Денис Валентинович.

– Согласен, – виновато сказал Денис и достал из «дипломата» две бутылки коньяка. – Этот участковый к моей же не приставал, до слёз довёл. Должен я был ему морду набить? За подставу я дико извиняюсь, но без этого нельзя было. Большое спасибо, товарищ капитан, за понимание и содействие.

Денис колебался и достал ещё банку маринованных огурцов. Капитан взял в руку бутылку коньяка.

– Армянский, пять звёздочек, – задумчиво произнёс он.

– Именно этот коньяк Черчилль любил, – поторопился сообщить Денис.

– Мы что, будем закусывать коньяк маринованными огурцами? – прозвучал вопрос из-за спины капитана.

– Иванов, – сказал капитан, – кто сказал, что тебе вообще нальют? Правильно, Денис Валентинович, поступил, за свою бабу морду набить – святое дело. Ты обращайся, если что.

Полковник Орлов с недовольным видом читал показания

из ГИБДД.

– Да, интересный поворот, – сказал он, откладывая бумаги в сторону. – А ну покажи руки, – приказал Денису.

Денис показал.

– Костяшки не сбиты.

– Так он в перчатках был, товарищ полковник, – жалобно произнёс Лаптев.

– Даже если бы и были сбиты. Что это доказывает? Но это ещё не всё, – сказал Андрей с лёгкой улыбкой.

– Не всё? Я начинаю вас бояться, Андрей Александрович, – грозно произнёс полковник.

– Что поделать? Такова се ля ви, как говорят у них, – при-
творно вздохнул Андрей. – Как я понимаю, если господин Тимошин напишет заявление, то у вас «висяк» нарисуетя.

– Всё правильно, – согласился полковник, – и нанесение побоев участковому милиционеру при исполнении.

– А вот мне интересно, товарищ полковник: что делал ваш участковый в торговом павильоне «ИП Тимошин Д. В.»? А?

– Как что? Проверял правильность работы ИП.

– Один? А положено двоих направлять. Вы направляли? Кто нарушает: вы или он?

Андрей смотрел на полковника невинными глазами, полковнику стало не по себе.

– В торговом павильоне, – продолжал Андрей, – он сексуально домогался госпожу Тимошину, и выманил у неё денежные средства в размере четырёх тысяч рублей. На лицо

чистое вымогательство, в просторечии – рэкет.

– Она чек не пробила, – сообщил Лаптев.

– Не правда, – возразила Юля, – я сняла перед уходом из палатки X-отчёт. Вот они эти сигареты. Я пробила чек.

– Врёт, – уверенно сказал Лаптев.

– Это подстава и клевета на моего сотрудника, – грозно сказал Орлов.

– Нет, – сказал Андрей, – у Лаптева в кошельке четыре тысячных купюры вот с этими номерами.

Андрей достал из кармана листок, где были написаны цифры.

– И ещё диктофонная запись. Юля продемонстрируй.

Юля достала из заднего кармана джинс диктофон и нажала на воспроизведение записи.

– Я же говорю – подстава. Диктофонные записи судом не рассматриваются, – сказал Орлов.

– Согласен с вами, Геннадий Викторович, но давайте вызовем сюда службу собственной безопасности, вдруг у них другое мнение.

Орлов зло посмотрел на Андрея.

– Ну, зачем эти излишества, Андрей Александрович? Сами всё решим. Что вы хотите?

– Чтобы господин Лаптев уволился.

– А вы кровожадны, Андрей Александрович. Парень молодой, он подумал: дали пистолет, буду крутиться как смогу.

– Вот и пусть крутится где-то ещё, а не у палатки «ИП

Тимошин».

– Хорошо, переведём его на оперативную работу.

– И что это даст? Вы объясните ему, Геннадий Викторович, что беспорядочные половые связи могут губительно отразиться на его здоровье.

– Да, товарищ старший лейтенант, это так. Надеюсь, ты понял или надо более подробно объяснить? С занесением в личное дело, например?

Лаптев осторожно прикоснулся к разбухшему фиолетовому фингалу под левым глазом и произнёс:

– Да понял я, понял.

– Вот видите, Андрей Александрович, он всё понял и осознал. Сознёт свою вину, меру, степень, глубину. Так, Лаптев? А вы ведь, Андрей Александрович, не состоите в коллегии адвокатов?

– Нет.

– Будете состоять, – уверенно заявил полковник, – и работать будите здесь, у меня в отделении. По рукам?

– Ну, если у вас в отделении. Кстати, Юрий Егорович, отдайте четыре тысячи Юлии Владимировне. Что вы их у себя держите?

Лаптев с неохотой полез в карман, достал деньги. Орлов забрал у него купюры, сверил их номера с написанными на бумажке, хмыкнул удовлетворённо, отдал Юле.

– Хорошо работаете, Андрей Александрович, просто залюбуешься. Может быть, всё-таки, в отделение на оператив-

ную работу?

– Нет, спасибо, я лучше адвокатом.

Из отделения милиции друзья вышли в приподнятом настроении, сели в машину Дениса.

– Милый, а скажи мне, что это за слова такие: стерва, сучка драная?

И это родной жене?

Юля хитро улыбалась.

– Юленька, ну, это я в образ вошёл. Это роль такая.

– Это роль ругательная...

– Хватит прикалываться, развесились. Я долго буду таскать ваш пакет с вещами? Здесь «балаклава», зимние перчатки, чёрная майка. За сигареты деньги отдадите?

– Отдадим, Андрюх. Там ещё твои очки и бейсболка. Дорого нам обошлось это мероприятие.

– Но ведь, обошлось. Ты сам захотел избить этого мента. Без мордобоя было бы дешевле.

– Ну, как без мордобоя? Дело чести. Ну, что поехали? Надо обмыть твоё назначение, наше избавление.

– Опять пить. Ну, поехали.

13.03.2023 г.

Ожиданием своим, ты спасла меня...

Окна квартиры выходили на юго-запад. Ира в последнее время приобрела привычку смотреть туда, как будто хотела увидеть там далеко-далеко горы Югославии, вернее – Боснии, там, где сейчас воюет добровольцем её муж Александр Монахов за сербов-православных против сербов-мусульман.

Когда прощались, Ира спросила:

– Сашенька, зачем ты едешь туда? Может быть не надо?

– Иришка, любимая, ну как же мне не ехать? Я офицер Советской армии, я больше ничего не умею, только воевать.

– Нет уже Советской армии, и Советского Союза уже год, как нет.

– Вот именно. На пьяную морду нашего президента смотреть противно. Меченый продал страну, а Ельцин её пропивает. Русских гонят из Прибалтики, из Средней Азии, а Россия на это смотрит спокойно. А это предательство. И сделать ничего нельзя. Я не хочу быть причастным к этому предательству. И я офицер, я не могу на всё это спокойно смотреть, я должен что-то делать. Иришенька, я еду воевать туда за тебя, за наших детей, чтобы такого, как в Югославии, у нас в России не было. Не за славой еду, а отстаивать честь России. Чтобы потом можно было сказать: «Потеряно всё,

кроме чести».

Уехал Саша в октябре, осень тёплая стояла, деревья в жёлтых листьях, солнышко светило. Письмо он прислал тёплое. На душе у Ирины спокойно было и остаток осени, и всю зиму, и март. И вот начало апреля, с утра тоска навалилась: что-то случилось или случится там в горах Боснии.

Ирина встала, поправила одеяло у безмятежно спящего младшего сынишки. Достала письмо из Югославии, стала читать:

«Привет, Иришка!

Солнышко ты моё ласковое, у меня всё нормально, время идёт быстро, день проходит вообще незаметно. Я не воюю, а участвую в боевых действиях вместе с братьями-сербами бок о бок. Всё хорошо, не бойся за меня. Солнышко, мне не хватает слов передать тебе, как я без тебя скучаю...»

Письмо это она знала наизусть, но читала, как в первый раз, и слёзы наворачивались.

Тоска не проходила. Пора будить детей: двоих в школу, одного в детский сад, а сама на работу.

На работе Ира места себе не находила, всё из рук валилось, делать ничего не хотелось. На работе знали, где её муж, а вот, в то, что уехал по зову сердца, а не за деньгами, не верили.

Старший бухгалтер, видя её метания сказала:

– Ирочка, плохие предчувствия? Идите домой, мы тут без вас справимся, а то у вас всё из рук валится.

И шепнула на ушко:

– Молитву почитайте, поможет.

Ирина была согласна читать всё, что угодно, только ни одной молитвы она не знала. И тут она вспомнила, что у метро недавно открыли «Церковную Лавку», там она найдёт тексты молитв, там ведь не только серебряные цепочки и иконы продаются.

В лавке Ирина, смущаясь, попросила книжку с молитвами, в помощь воину на поле брани. Продавщица в белом платочке долго искала подходящую книгу, нашла, подала Ире и спросила:

– Иконы в доме есть?

– Нет, – замотала головой Ира.

– А сами вы крещёная?

– Крещёная.

– Крестик носите?

– Нет. Как же я его буду носить? Видно будет, и некрасиво.

– На лифчик наматаете, никто и не увидит, – посоветовала продавщица церковной лавки, – главное, чтобы он на вас был.

Ирина отошла от лавки с «Молитвословом», алюминиевым крестиком на верёвочке, и с тремя иконами: Спаса, Богоматери и Николая Угодника.

Дома Ирина надела крестик, поставила перед собой иконы, нашла нужную молитву и стала искренне молиться. Пришли старший сын и дочь из школы. Сын Димка спросил, чем

это мама занимается. Ира, смущаясь, ответила, что молится за папу, чтобы с ним ничего не случилось.

– С ним и так ничего не случится, – уверенно сказал Димка, – он воюет за правое дело, а правое дело всегда побеждает.

– Это так, сыночек, но хуже не будет, если я молиться за него стану.

– Не будет, – согласился сын.

Ирина сходила в сад за младшим сыном, вечер прошёл в повседневных хлопотах. Ночью она заснула и ей приснился весёлый Сашка, что он ей говорил, Ира не запомнила, утром встала более или менее спокойная, но лёгкое волнение всё же было.

Александр Монахов очнулся от жуткого холода, понял, что присыпан землёй и снегом. Первое, что пришло в голову – это выбраться. И тут выяснилось, что не действует правая нога и сильно болит левое плечо, вообще всё тело болело, гудела голова, наверное, контузия. Выбрался, скрипя зубами, преодолевая боль. Александр пополз, не понимая куда и зачем, он понимал только одно, что надо отползти от этого ужасного места как можно дальше. Ему вспомнилась жена, её золотые волосы, улыбка, дети. Александру так захотелось их увидеть. Он должен до них доползти, по любому, должен. В памяти всплыли строки Симонова: «Жди меня, и я вернусь, только очень жди...» Эти строки он знал наизусть, их

должны знать все солдаты России. Он слышал, что в Великую Отечественную, даже в немецких окопах находили перевод этих стихов.

«Жди, когда снега метут, жди, когда жара...»

Александр шептал стихи (так легче) и полз, в раненной ноге, что-то кололо и мешало, наверное, осколок, из плеча сочилась кровь, но там ничего страшного, просто очень большой и глубокий порез. Александр упорно полз, а где-то просто скатывался по склону, пока не добрался у подножья горы до каких-то ёлочек. И тут до него дошло, что он полз не туда, ему надо вверх по склону, а он вниз подался, по пути наименьшего сопротивления. Александр посмотрел вверх на гору, уже смеркалось, и вроде как на вершине, где были сербские укрепления, ему привиделись отблески огня. «Кто там, наши или бошняки?» – подумал Александр и с досады ударил здоровой рукой по земле. Ему туда, на верх добираться будет очень сложно, да и хватит ли сил? А если сербы отступили? Об этом думать не хотелось.

Монахов пошарил за пазухой, паспорта не было. Получается, что бошняки забрали паспорт, обыскали и похоронили, не заметив, что он живой? Или заметили, но всё равно похоронили? Или это свои похоронили? Нет, свои заметили бы, что живой.

В начале весны рота Войска Республики Сербской и пят-

надцать русских добровольцев заняли две горы – одну большую и одну малую. Малая гора находилась чуть впереди, ближе к боснийским позициям. Там и заняли оборону одиннадцать сербов и трое русских.

Ранним утром того апрельского дня Александра разбудили тревожный крик сербов «Напад! Турки!» и короткие очереди пулемёта и длинные матерные фразы пулемётчика Петки Денисенко. Александр выскочил из палатки вместе с Вовкой Сахновым, и больше он ничего не помнит. Кто же победил в этом бою? Александр очнулся в могиле часа в два, в три дня. Успели даже убитых похоронить. Только кто? Что же ему делать? Сознание стало меркнуть, и Александр провалился в темноту.

Очнулся он от того, что кто-то тыкал в него палкой. Александр с трудом приоткрыл веки. Перед ним стоял человек уже не молодой, но ещё и не старый, за ним виднелись сани с хвостом.

– Ко си ти? (Кто ты?), – спросил человек и повторил ещё раз. – Ко си ти?

– Что? – в полубреде спросил Александр, не понимая, что его спрашивают и что от него хотят.

Но человек его понял.

– Ти си Рус? (Ты русский?)

– Да, ја сам Рус (Да, я русский), – ответил Александр.

«Бошняк. Кто же ещё? Сейчас убьёт, ну, хоть в гору ползти не придётся», – подумал Александр и опять потерял со-

знание.

Очнулся Александр от тепла в каком-то доме на кровати, пожилая женщина снимала с него одежду, рядом на стуле у стола сидел тот пожилой мужчина с подножья горы. Увидев, что русский открыл глаза, женщина сказала:

– Я тебе в матери гожусь, сынок, не надо меня стесняться.

Александр и не думал стесняться, он вообще плохо понимал, где он и что с ним, и слова на полупонятном языке до него плохо доходили.

Женщина, покончив со своим делом, осмотрела тело русского.

– Весь в грязи, крови и синяках. Крови много потерял. Надо обработать его.

– Обрабатывай, – разрешил мужчина, – ты же медсестра, Ася.

– Была когда-то. Спиртом его надо протереть для дезинфекции. Давай свою сливовицу.

– Я..., – начал было мужчина.

– Только не надо, Давуд, говорить, что как истинный мусульманин, не пьёшь, согласно пророку Мухаммеду. Доставь свою сливовицу. Ты у Небойше её брал? У Небойше сливовица крепкая семьдесят градусов, почти как спирт.

– Семьдесят пять.

– Тем лучше. И сходи к Саве Ивковичу, позови его сюда, пусть он принесёт обезболивающее, бинты и всё необходимое.

– Но он же зубной врач.

– Ну и что? Другого всё равно нет, и к тому же он серб, а значит, русский ему брат и друг.

– А нам русский кто? И кто мы? За сербов добровольцами воюют не только русские, но и греки, румыны, болгары. А за нас арабы, иранцы да афганцы, они зверствуют, и наши, глядя на них – зверствуют. Наши дети и внуки так много зла за последние время принесли сербам, что нам надо хоть как-то искупить их вину, нам надо спасти русского. К тому же Россия помогает оружием нашим войникам. Удивительная страна Россия: простые люди воюют на стороне сербов, а их государство снабжает своим оружием их врагов.

– Не думаю, что наши дети и внуки обрадуются, если узнают, что мы спасли русского.

– И что теперь, Ася, нам резать его?

– Надо было мимо пройти в лесу, а теперь уж лечить будем.

– Ладно, пойду к Саве, – сказал Давуд.

Он достал бутылку со сливовицей и вышел на улицу и направился к дому Ивковича.

– Здравó, Хаджич, – улыбаясь, Давуда встретил Сава, – зуб заболел?

– Здравó. Нет, Сава, тут другое.

И Давуд шёпотом стал рассказывать о русском.

– Но я же стоматолог, – опешил Ивкович.

– Сава, других всё равно нет. И Любицу свою возьми.

Ивкович с женой вошли в дом Хаджичей.

– Здраво, Асият.

– Здраво, Сава, здорово, Любица.

– Ну, показывайте вашего русского.

Александр лежал в самой дальней комнате на кровати, накрытый одеялом. Он с трудом открыл глаза, посмотрел на вошедших.

– Како те звати? (Как тебя звать?) – спросил Сава и обернулся к Асият. – Он понимает по-нашему?

– Вроде как да, – ответила Асият.

– Као зовеш се? – повторил свой вопрос Сава.

– Александр, Александр Монахов, – наконец понял вопрос русский.

– Александар, добро. Гла́ва бо́лит?

– Голова болит.

– Контузия. Мы пришли тебе помочь, Александар, но будет больно, терпи. Слизовица, как я понимаю, есть. Дайте ему.

– А обезболивающие? – спросила Асият.

– Думаешь, что у меня его много, Ася? Слизовица ничуть не хуже, уверяю тебя.

В Александра влили местный алкогольный напиток, попросту самогон из ягод, он, крепкий, обжёг горло, влили много, голова закружилась, наступило опьянение, боль поухля.

– Обморожений нет? – спросил Сава.

– Нет, – сказала Асият.

– Отлично. Сначала зашьём ему плечо, а потом займёмся осколком в ноге. Давуд, Любица зафиксируйте русского, Ася, ты мне помогаешь.

В конечном итоге, осколок вынули, раны зашили, забинтовали, накрыли одеялом и оставили русского в покое.

Мужчины, Сава и Давуд, решили допить сливовицу.

– Конечно настоящий хирург зашил бы лучше, – сказал Сава, – но как смог.

– Хорошо ты всё сделал, Сава, – сказал Давуд, наливая сливовицу в стаканы.

– Мусульманам же нельзя, – усмехаясь, сказал Сава, глядя на действия товарища.

– Нельзя, – согласился Давуд, – только я родился и вырос в безбожной стране. И я не знал, что я не серб, и не знал, что муслиманин надо писать с большой буквы, как обозначение народа, согласно правилам сербскохорватского языка, а не с маленькой, как приверженца мусульманской веры. А теперь я превратился в бошняка. Были мы все сербами и не различались, кто какой веры, а теперь вон воюем друг против друга. Вот сегодня солдаты Войска Республики Сербской вместе с русскими побили Армию Республики Босния. Как мне к этому относиться?

– Терпимо. Пройдёт десять, двадцать, тридцать лет и твоим детям, внукам внушат, что бошняки не сербы. Уже внушают. Хотя и ты и я и все наши предки были сербами, только

одни мусульмане, а другие православные. И никто не поверит, что мы с тобой за одним столом сливовицу пили. Зачем муслимане расстреляли сербскую свадьбу в прошлом году? С этого всё началось.

– Давай мы ещё с тобой рассоримся. Стравливают нас, а мы поддаёмся. А русские и для меня – братья.

Они проговорили до глубокой ночи. Когда Сава ушёл, русский безмятежно спал и снилась ему его рыжее солнышко Иришка.

Ивкович навещал больного в тёмное время суток, чтобы никто не видел. Русский выздоравливал медленно, без необходимых медикаментов это было и неудивительно.

Александр в полубреде бормотал:

– Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

– Что он бормочет? – спросил Сава.

– Стих какой-то, – пожала плечами Ася, – он постоянно его читает.

– А письмо его родным надо написать. Он приходит в себя? Откуда он, где его родные?

– Из Москвы, там его жена, дети, родители.

– Напишите его жене письмо.

– Что написать, Сава?

– Что её муж Александар здесь, в селе, в Боснии. Не тяжело, но ранен, контужен, выздоравливает. Пусть ждёт его. Число поставьте, сами не подписывайтесь, обратного адреса тоже не надо, напишите, что из Боснии.

Ирина гладила бельё, телевизор работал так, для фона, и вдруг она услышала: Александр Монахов. На экране махали паспортами её Сашки и какого-то Владимира Сахнова, говорили о погибших русских наёмниках в свободолюбивой Боснии.

Зазвонил телефон. Подруга Галка, этажом ниже.

– Смотришь? – строго спросила она.

– Да, – упавшим голосом ответила Ира.

– Не верь, – твёрдо сказала Галя, – мало ли что они там говорят. Паспорт у него могли отобрать, украсть, он мог его просто потерять. Паспорт – это не доказательство. Не верь.

Ира разрыдалась. «Господи, – про себя взмолилась она, – не отбирай его у меня, не делай детей сиротами». Галка что-то говорила, Ира плохо понимала.

– Слушай, Ир, вот стихи такие есть, сейчас книжку найду. Вот, слушай.

И Галя стала читать:

Жди меня, и я вернусь.

Только очень жди...

Галя читала, и Ира понемногу стала успокаиваться.

Выпьют горькое вино

На помин души...

Жди. И с ними заодно

Выпить не спеши.

– Слышишь, мать, не спеши. Я сейчас книжку эту принесу, будешь читать, легче будет.

К ночи Ира эти стихи знала наизусть и читала их впере-мешку с молитвами. В постели она закрыла глаза и представила горы Боснии. Ей привиделось что-то вроде дома и там на кровати её Сашка. Может, действительно, живой?

На работу Ирина явилась в подавленном состоянии. Сотрудники, в большинстве своём, видели вчерашний репортаж из бывшей Югославии. Ира слышала шёпот за спиной: «Пошли за шерстью, а вернулись стриженными. Вот что значит гоняться за длинным баксом. Наёмник».

– Добровольцы – они так просто называются, на самом деле это наёмники, бандиты. Над мусульманами издеваются вместе с этими вырожденками сербами. А мусульмане, что не люди?

– Откуда вы это взяли, Борис Львович?

– Радио «Свободы» говорило.

– Врут.

– Это наши журналюги, бывшие коммуняги брешут. А на Западе – там цивилизация, там культура не чета нашей,

там правду говорят. Там свобода слова!

Сочувствия совсем нет ни у кого. Объяснять им что-либо было бессмысленно, да Ирина бы и не сумела.

Начальник вызвал к себе, загрузил работой.

– Ирина Николаевна, я вас загрузил работой, чтобы у вас мозги были заняты, и вы бы поменьше думали о муже. Не надо верить всему, о чём говорят по телевизору. Сейчас время такое, ничему верить нельзя. Придёт официальная бумага, вот тогда...

– Его же не государство туда направило, он по своей воле.

– Всё равно, Ирина Николаевна, ваш муж гражданин России. Должны уведомить. Нет документа о смерти? Значит, жив. Идите работайте.

После обеда позвонили из дома.

– Мама, – сказала дочка, – пришли два странных письма из Боснии. Мы их не распечатываем, ждём тебя, приходи быстрее.

Ирина еле дождалась конец рабочего дня, прибежала домой, по дороге прихватив с собой соседку снизу. Два письма, одно без обратного адреса, лишь надпись: «Босна», другое с обратным адресом, тоже из Боснии, из города Вишеград.

– И какое открывать? – спросила Ира у Галки.

– То, что без обратного адреса.

Вскрыли конверт, та было написано:

«Ваш супруг Александар је у селу Ђанкићи у Босни. Није тешко, али рањено, контурирано, опорављено. Чекајте га».

– На сербском, наверное, написано, – предположила Ира, – буквы вроде наши, а слова не разобрать. Гал, ты что-нибудь понимаешь?

– Понимаю.

– Что?

– Что твой Санька жив. Вот смотри: ваш супруг Александр. Что не понятного? Как эта буква читается? Не важно, будем считать, что её нет. Е у селу. У нас на работе белорус работал, так он всегда говорил: «У цехе», то есть не рядом с цехом, а в цехе. Получается, что Саша в каком-то селе в Боснии. «Али» – по-украински – «но». Не тяжело, но ранен, дальше не понятно. «Чекате» похоже на украинское «ждите». Всё, число, подписи нет. Ранен твой Сашка, но живой, просят ждать. Давай второе письмо откроем.

Во втором письме было написано, что доброволец Монахов погиб смертью храбрых в Боснии, и подпись: «Командир русских добровольцев Валерий Филинов».

Ирина посмотрела на детей, столпившихся у стола, и рыдалась.

– Что ты ревёшь, дура, – возмутилась Галя, – письмо на сербском языке написано после этого письма. Посмотри на числа.

Ира сравнила числа на письмах и немного успокоилась.

– Сказано тебе – ждать. Жди.

И Ира ждала, веря и не веря, и вот через неделю в субботу раздался междугородний телефонный звонок. Она сняла

трубку с замиранием сердца.

– Алло.

– Иришка, солнышко моё, как я по тебе соскучился!

– Сашка, живой!

– Жив, не здоров, но жив.

– А я письмо получила от твоего командира...

– Знаю, знаю, он говорил, ошибка это.

– И твой паспорт по телевизору показывали и ещё чей-то.

– Володи Сахнова, – голос Александра погрузнел, – он погиб. А меня сербы-мусульмане нашли, немного подлечили, а потом, когда их село заняли солдаты Войска Республики Сербской, передали меня им, а они нашему посольству в Белграде. В посольстве обрадовались, собрали пресс-конференцию и объявили, что честный бизнесмен из Москвы Александр Монахов был избит и ограблен в Белграде и никакой он не наёмник, а Владимира Сахнова они вообще не знают. Ну, он же из Киева, из Украины, теперь это разные государства, а ещё недавно было одно. Врут, короче. Да ладно, Иришка, послезавтра приеду в Москву. Жди. Правда, меня в госпиталь «Ветеранов Войны» положат, но это не важно. Жди. Ожиданием своим ты спасла меня. Я верил, что ты меня ждёшь, и не ошибся. Я всё это время твердил стихи:

Жди меня, и я вернусь,

Всем смертям назло.

Кто не ждал меня, тот пусть

Скажет: – Повезло.

Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой...

Ирина улыбнулась и продолжила, чуть исказив строчки,
но не смысл:

Просто я умела ждать,
Как никто другой.

И добавила:

– Сашенька, люблю тебя и очень жду.

– До послезавтра, моё солнышко, – улыбался он через расстояние.

Ирина положила трубку, она была абсолютно счастлива.
Ждать осталось недолго – до послезавтра.

25.11.2022 г.

Синева

Рота десантников в полдень заняла высоту и стала укрепляться. В пять часов вечера появилась колонна боевиков. Она остановилась в пределах видимости, но недостижимости для десанта. От колонны отделилось несколько человек и направилась к десанникам. Подойдя ближе, один из них, полковой командир, крикнул:

– Русские, вы хорошие воины, десантники, но вас всего семьдесят пять человек. А нас больше тысячи. Мы просто пройдем.

– Вы здесь не пройдёте, – ответил майор, командир десантников.

– Вы хорошо подумали?

– Что нам думать? У нас приказ.

– Приказы надо выполнять, согласен. Лёгкой смерти тебе, майор.

Боевики направились к своим, а майор сказал капитану, своему заместителю:

– Вот откуда он всё про нас знает? Расположение, нашу численность, кто командует?

Капитан пожал плечами.

– Продали нас, товарищ майор. Капитализм, накопление первоначального капитала.

– Но не на крови же?

– А какая разница? Продают всё, что покупают: кто оружие со склада, кто диспозицию.

– Чехов, конечно, не тысяча, а человек пятьсот-шестьсот, а, может быть, и четыре сотни. А нам сообщили, что будет тридцать, ну, максимум, пятьдесят.

– Не научились воевать. А могли и подставить.

– Или разведка ошиблась, – предположил майор.

Вечер и ночь сражались десантники на занимаемой высоте, отстреливались короткими очередями, кидали гранаты, ходили в рукопашную. Больше всего их погибло ночью, сказалось отсутствие опыта ночных боёв и приборов ночного видения. От снайперской пули погиб командир роты, его место занял капитан.

Все просьбы о помощи, почему-то были игнорированы. И только майор, командир соседней роты в три часа ночи выстроил свой взвод разведки и сказал им:

– На высоте идёт тяжёлый бой. Приказ о помощи не поступал. Но там гибнут наши пацаны. Я иду по собственной инициативе. Кто со мной? Гарантий, что мы вернёмся, я дать не могу.

Взвод, все пятнадцать человек, не раздумывая ушёл в ночь на высоту, помогать своим.

Солнце окрасило розовым цветом горы на западе, день обещал быть солнечным.

– Товарищ капитан, – обратился к командиру старший лейтенант, – почему нет огневой поддержки? Где артилле-

рия, где вертушки, где просто подмога?

– Начальство считает, что у нас всё штатно. Поэтому и приказа об отступлении тоже нет. Нам остаётся только погибнуть.

И помолчав, капитан добавил:

– Геройски.

Его солдаты занимались оружием, собирали боеприпасы. На лицах их не было ни испуга, ни отчаянья, с мрачным спокойствием они занимались своим делом.

– Слушай, старший лейтенант, мрачновато как-то, надо разрядить обстановку. Давай, «Синеву».

– Слушаюсь, товарищ капитан. Федоренко! Жив?

– Жив, – ответил ротный запеваля.

– «Синеву»!

И Федоренко запел, а бойцы подхватили песню.

Расплескалась синева, расплескалась,
По тельняшкам разлилась, по беретам,
Даже в сердце синева затерялась,
Разлилась своим заманчивым цветом.

Боевикам песня не понравилась, и их командир закричал:

– Русские, сдавайтесь!

– Русские не сдаются, придурок.

– Сами придурки, бараны. Вас свои предали и продали.

– Раз предали – значит не свои.

– Мы вам дадим деньги. Семнадцать тысяч баксов. Хоро-

шая сумма. Мы просто пройдем мимо вас. И всё! Ваше командование вас не накажет. Всё согласованно.

— Засунь ты свои баксы знаешь куда?

— Мы всё равно пройдем, а вас будем резать, как баранов.

— Ты сюда ещё дойди, горный козёл, мы тебе рога пообломаем.

Федоренко насмешливо запел:

Ты же бойся синевы, ты утонешь.

Боец строчку переделал, тем самым оскорбив полевого командира. Командир сам с удовольствием пел эту песню в Афгане, но он помнит Грозный, испуганных русских новобранцев с искажёнными от страха лицами, идущие на штурм его позиций. И пришлось отступить. Отступить его орлам! Позиции они вернули, но пришли другие русские в тельняшках с синими полосками и с позиций пришлось бежать. Вот тогда там и зазвучала «Синева», дерзко зазвучала. И, при попытке вернуть позиции назад, его бойцы как в стену упирались. Тогда он и возненавидел некогда любимую песню, и понял, что русские на светлой стороне и сражаются за что-то великое, которое и сами толком не понимают. Ту войну русские, не раз преданные своими командирами и оболганные журналистами, проиграли. Но вот они вернулись; и они всё равно победят; они уже побеждают.

А «Синеву», оставшиеся в живых бойцы, продолжали

петь и начинали снова и снова, когда она заканчивалась. Песня давала им уверенность в победе и в своих силах.

Боевики обстреливали высоту из миномётов и гранатомётов, десант огрызался из стрелкового оружия, а петь бойцы не прекращали, чем доводили бандитов до бешенства.

В это время, майор, ведущий взвод разведчиков к высоте, остановился и прислушался.

– Слышите? – спросил он.

Треск автоматных и пулемётных очередей, разрывы гранат и мин вдруг прекратился и сквозь шум сосен с высоты полилась песня.

За дюралевым бортом шум моторов,
Синева лежит на крыльях, как краска.

– Наши! Живы, бродяги, – обрадовался майор. – Поторопимся, пацаны, поторопимся.

Бойцы взвода переходили в брод горную речку, поднимались в гору.

– Радист, надо как-то им передать, что мы на подходе.

На высоте радист обратился к командиру:

– Товарищ капитан, слушайте.

Радист снял наушники и из динамиков послышалось:

Помнишь, в детстве на коврах-самолётах Неизвестные открыли маршруты А теперь нашлась нам в небе работа Синевою наполнять парашюты.

– Это наши идут на помощь, – улыбнулся капитан. – Бойцы, по местам, помощь идёт. Никто, кроме нас!

Полевой командир в это время поднимал своих бойцов в атаку. Боевики пошли под воинственную песню с религиозным оттенком, пошли с видом обречённых на смерть. Они пели, но командир чувствовал, что их песня проигрывает той простой, слегка грустной песне русского десанта. Русские пели спокойно и размеренно, «Синева» стекала с высоты, накачиваясь волнами на боевиков, вызывая в них нервную дрожь и неуверенность в себе.

Полевой командир повёл своих людей вперёд, вверх по склону, чтобы устать его их телами, погибнуть самому, но не посрамить чести горца, защитника ислама и, наконец, заставить замолчать этих упрямых русских.

Я хочу чтоб наша жизнь продолжалась,
По суровым, по десантным законам.

27.05.2023 г.

Сотовый телефон

Николай Андреевич, директор успешной, хоть и не крупной фирмы, в приподнятом настроении шёл по длинному коридору в свой кабинет. Его фирма занимала целый этаж в офисном центре. Сегодня подготовят все бумаги и завтра будет заключена очень выгодная сделка, причём выгодная обеим сторонам. Фирма будет обеспечена безбедным существованием как минимум на два года.

Уборщица мыла пол в коридоре с таким грустным и подавленным видом, что Николай Андреевич невольно обратил на это внимание. Он зашёл в кабинет, снял дорогое пальто, положил портфель на стол. Уборщица не выходила из головы.

«Да мало ли что может случиться, – уговаривал Николай Андреевич сам себя, – ударилась об угол, сын двойку принёс, муж обидел. Не надо лезть в чужую жизнь».

Николай Андреевич пытался заняться делами, но не получилось. Он вышел из кабинета и с деловым видом направился в сторону уборщицы. Поравнявшись с ней, он спросил: – Что-то вы сегодня какая-то грустная?

Честно говоря, он не знал, какая она бывает в обычные дни, он её не замечал: уборщица и уборщица, убирает хорошо, замечаний нет.

– Всё нормально, Николай Андреевич.

– Да? А сказали таким тоном, как будто сейчас пойдёте и утопитесь.

Уборщица через силу улыбнулась:

– Ну что вы такое говорите. У меня две дочки, как я их брошу?

– И ни одного мужа?

– Ни одного, – согласилась со словами директора уборщица.

– Так что же всё же случилось?

– В общем ничего страшного, история обычная по нашим временам. Из-за сотового телефона переживаю. Дочка старшая уж очень хотела. Купили. Недельку она с ним походила, а вчера учительница всех детей выставила из класса, а телефоны, у кого они были, велела оставить на столах, всего семь штук, чтобы дети на перемене двигались, а не стояли у стенки и не играли в телефоне. Ну, знаете, там игры всякие: змея, тетрис. Вернулись с перемены, а телефонов-то и нет. Украли. Дети, чьи телефоны пропали, расплакались, уроки были сорваны. Моя Леночка уж очень переживает, весь вечер меня спрашивала: «Мама, а телефон, может быть, найдётся?» Утешала, конечно, как могла. Она маленькая у меня, восемь лет, забудется телефон, у неё ещё много будет в жизни огорчений. Просто жалко её, уж очень она переживает.

– Это, конечно, неприятно. А учительница ваша дура. Зачем она так сделала?

– Нет, она хотела, как лучше.

– А получилось, как всегда. Но вы не огорчайтесь: перемелется – мука будет.

– Конечно. Дочку только жалко.

– Это понятно, – произнёс Николай Андреевич и пошёл дальше к выходу.

«Скорее всего, – думал он, – ей не только дочку жалко, но и себя. Не слишком много я ей плачу. Наверное, чтобы купить дочке телефон, во многом себе отказывала».

Николай Андреевич развернулся и пошёл обратно, он молча прошёл мимо уборщицы, а входя в кабинет, оглянулся и сказал:

– Вы, когда закончите, зайдите ко мне.

– Я у вас уже убрала. Что-то не так, Николай Андреевич?

– Вы меня не поняли. Когда всё закончите, переоденетесь, то прежде, чем идти домой, зайдите ко мне. Хорошо?

– Хорошо, – слегка растерянно сказала уборщица.

Николай Андреевич сел за свой стол, на рабочем столе монитора открыл папку с надписью «Персонал».

– Итак... Галина Эдуардовна Колокольцева, 34 года, образование среднее специальное... Адрес, домашний телефон, живёт одна с двумя дочерьми. Ясно.

Галина зашла в кабинет директора в осеннем пальто и осенних сапогах. А на улице зима, декабрь месяц.

– Пришли? – задал глупый вопрос Николай Андреевич, – хорошо, пойдемте.

На улице он спросил:

– У вас среднее специальное образование, Галина Эдуардовна. Кто вы по специальности?

– Бухгалтер.

– Почему по специальности не работаете?

– Дети маленькие, не с кем оставить. Старшая в школу ходит, а младшей только четыре годика. В детском саду мест нет, да и платить за него мне затруднительно.

– А сами вы откуда? Вы гёкаете.

– Из Белгорода.

– А муж, извините, где?

– Разбился в автокатастрофе два года назад. Какой-то пешеход, видимо, дорогу перебежал, муж свернул, врезался в столб. Насмерть.

– Пешехода не нашли?

– Как его найдёшь? Ночью было, свидетелей нет... И мужа мне это всё равно не вернёт.

– Понятно. Ну, вот мы и пришли.

Они стояли перед павильоном с надписью «Евросеть». Это был 2005 год, народу в павильоне было много. Николай Андреевич выбрал не самый дешёвый телефон, но не такой уж и дорогой. Галина удивлённо молчала, наблюдая за процедурой покупки.

– Это вашей дочери, – сказал Николай Андреевич, когда они вышли на улицу из павильона, – конечно, у девочки в жизни будет много огорчений, но и счастье пусть тоже присутствует.

Галина еле слышно пролепетала «Спасибо» и очень смутилась.

Николай Андреевич улыбнулся:

– До свидания, Галина Эдуардовна, до завтра.

Утром у себя в кабинете Николай Андреевич нашёл блюдо, накрытое белоснежной салфеткой. Под ней оказались домашние пирожки.

Раздался робкий стук в дверь, вошла Галина. У женщины блестели глаза, она помолодела лет на десять.

– Николай Андреевич, попробуйте пирожки. Мы с дочкой пекли. Спасибо вам, дочка так счастлива. Мы не знаем, какие вы любите: вот эти с капустой, эти с картошкой, а эти с повидлом. Кушайте на здоровье.

В груди Николая Андреевича шевельнулся пушистый котёнок, стало очень приятно, тепло и радостно на душе, подумалось, что, если на том свете Господь захочет наградить его, он откажется: он своё уже получил.

17.07.2022 г.

Детская площадка

Гена запихнул грязное бельё в стиральную машину и включил её. Через пять минут вспомнил, сплюнул с досады и экстренно остановил машину: бельё надо разделять на цветное и белое. А он об этом постоянно забывает.

Три месяца назад жена сделала ему подарок на 23 февраля: подала на развод и укатила в Германию на постоянное место жительства. И где она только нашла этого немца? Жена назвала Гену неудачником и оставила одного с шестилетней дочерью.

Гена подошёл к окну. Сквозь зелень тополей с пятого этажа просматривалась жёлто-красно-синяя детская площадка. Скоро Анжела, его дочь, проснётся, и они пойдут туда.

О будущем Геннадий думал со страхом. Дочка же растёт. Был бы парень – ещё ладно. Но девочка? Ей уже требуются платица, трусики и прочее и это его приводит в ужас. А дальше потребуются больше: лифчики, женские прокладки. Как прокладки ему, мужику, покупать? А, в прочем, что тут такого? Туалетную бумагу же покупаем. Ладно, это сейчас страшно. Разберётся потихоньку во всех этих женских штучках.

На детской площадке в песочнице возился приятель дочери шестилетний Сёма. Его не было, наверное, недели полторы, и вот он опять появился. Приводила его обычно опрят-

ная седенькая бабушка Таисия Кузьминична, а теперь вместо неё симпатичная шатенка лет двадцати шести – тридцати, мама Сёмы. Гена ей кивнул, здороваясь, и спросил:

– А где Таисия Кузьминична?

– Мама в больнице.

– Что с ней?

– Перелом тазобедренного сустава.

– Ооо, – сочувственно протянул Гена.

– Да, – сказала шатенка, – неудачно упала, скоро выпишут, но ходить с Сёмушкой она больше не сможет.

– Печально. А как вас зовут?

– Люба. Любовь Орлова.

– Ооо, – в очередной раз, но уважительно-восхищённо протянул Гена.

– Это по мужу, – улыбнулась Люба, – моя девичья фамилия Соловьёва.

– А я – Гена. Геннадий Рассказов – два «Н» и два «С». Так меня в школе дразнили.

Люба вежливо улыбнулась.

Он сел на один край скамейки, она – на другой. Больше они в этот день почти не разговаривали.

На следующий день, в понедельник, Гена, забрав дочку из детского сада, опять встретил Любу и Сёму на детской площадке. Улыбнулись друг другу, как старые знакомые, но говорить было по-прежнему не о чём. И так продолжалось до четверга, пока он не задержался на работе и пришёл

с дочерью на детскую площадку позже, чем обычно.

– Что-то вы сегодня поздно, Гена?

– Да работа такая, не предсказуемая.

– Кем вы работаете?

– С компьютерами я работаю. Программы устанавливаю и чиню тоже, как программы, так и само железо.

– Много зарабатываете?

– Нет. Нас таких много. Люба, давайте на «ты». Мне тридцать лет, а вам, наверное, много меньше?

– Мне двадцать восемь, – кокетливо улыбнулась Люба. – А где ваша, ой, твоя жена, Гена?

– В Германии.

– На отдыхе?

– На постоянном месте жительства. Бросила она нас с Анжелой и укатила со своим ...хм... да. В общем, бросила.

– Бросила ребёнка ради мужчины? – ужаснулась Люба.

– Так он не просто мужчина, он обеспеченный мужчина. А ребёнка она другого родит. Дело не хитрое.

– Всё равно, как-то...

– А ты где работаешь, Люба, – перевёл Геннадий разговор с неприятной для него темы, на другую.

– Сейчас нигде.

– Почему?

– Муж не разрешает. Ревнивый он у меня. Говорит: «Нечего тебе туда ходить. Будут там тебя мужики по столам раскладывать».

– Что делать? – не понял Гена.

– По столам раскладывать, – смущённо повторила Люба.

– Какая богатая сексуальная фантазия у твоего мужа, – с сарказмом произнёс Гена. – Как он себе это представляет? На работе, вообще-то, работают. Он сам-то, кем трудиться?

– Водителем. Американцев каких-то возит по городу, он английский язык знает хорошо, по самоучителю выучил, – похвасталась Люба.

– А... На приличной машине, наверное?

– BMW представительского класса.

– А... Так у него больше возможностей кого-то на заднем сидении разложить.

Люба кивнула, соглашаясь, и смущённо отвернулась в сторону. Гена понял, что бестактно задел больную, наверное, для неё тему.

Наступило неловкое молчание.

Молчание прервать не удалось. На площадке появился мужчина, лет тридцати, черноволосый, симпатичный, примерно одного роста с Геной, то есть примерно где-то около метра восьмидесяти. Он уверенно подошёл к Любе, покосил подозрительно на Гену и сел рядом.

– Гуляете? – задал глупый вопрос.

– Ты что-то рано сегодня, Валера?

– А ты не ожидала? У вас тут что-то намечалось?

Он указал головой на Гену.

– Да что ты такое говоришь, Валера?

– Ладно, пойдём домой. Там любимая тёща вас ждёт.

– Сёма, – позвала Люба, – пойдём домой, папа пришёл.

– Мама, я ещё немного поиграю, – жалостливо протянул

Сёма.

– Нет, Семён, домой, – твёрдо сказала Люба.

И они ушли, Любовь даже не попрощалась с Геной, как будто его не знала.

Анжела подошла к папе.

– А всё-таки Сёмке хорошо, у него мама есть. А нас мама бросила, – вздохнула девочка, – потому, что мы плохие.

– Почему это мы плохие, дочь? – удивился Геннадий. – Мы хорошие.

– Мама плохая?

– Нет, мама у нас хорошая, просто ей лучше там, где она сейчас.

– Это далеко?

– Далеко. Вот она там устроиться, и приедет за тобой.

– А ты?

– А я здесь останусь.

– А я не поеду, – сказала Анжела решительно.

– Это почему?

– А мы себе другую маму найдём. Вон Сёмину маму, она хорошая.

– Так у неё муж есть.

– Ну и что? У мамы тоже был.

В пятницу Люба пришла на детскую площадку вся на нер-

вах, дёрганная, в серых глазах – тоска.

– Что-то случилось? – спросил Гена.

– Нет ещё.

– Тогда что?

– Сегодня пятница.

– И что?

– День шофёра. Они всю неделю ездили, нервы напрягали, в пятницу надо расслабиться, стресс снять. Хотя, мой каждый день стресс четвертинкой снимает.

– А как же на маршрут выходит? Там не проверяют?

– Проверяют. Гвоздикой зажёвывает. Да он у меня с рулём родился, шофёр от Бога. Хоть пьяный, хоть трезвый, хоть с закрытыми глазами – приедет куда угодно и без аварий.

– Вон, какой орёл! Что ж он у тебя тогда такой ревнивый? Обычно ревнуют неуверенные в себе люди. А он у тебя красивый, бабам, наверное, нравится.

– Наверное, – как-то с внутренней болью сказала Люба.

– Есть подозрения?

– Есть. Мы жить с ним перестали как муж с женой. Он мной как бы брезгует. А недавно, стирая бельё, я от его трусов почувствовала отвратительный запах, – она помолчала, подбирая слово, но не подобрала и сказала смущённо: – запах влагилица чужой женщины.

– Отвратительный?

– Для мужчины он, может быть, и приятный, а для женщины он отвратительный.

– Может быть, показалось?

– Может быть, но позавчера опять тот же запах.

– Да, печально. У него был повод тебя ревновать?

– Я ему досталась не девочкой, – пряча глаза, сказала Люба.

Гена хмыкнул:

– Не ты первая.

– Валера у меня деревенский, у него другие представления. Был у меня один. Мы с ним со школы дружили. Дружили, дружили, жениться обещал, а как дошло до этого, ну, ты понимаешь?

– Понимаю.

– Девственность-то он мне нарушил, да у него дальше ничего не получилось. Он обвинил во всём меня, обиделся, убежал и с тех пор обходил меня стороной. А в чём я виновата, я не понимаю.

– В том, что связалась с уродом и тряпкой.

– Нет, он так мальчик красивый.

Гена посмотрел на неё удивлённо и улыбнулся. А Люба думала о чём-то своём.

– Так кто у меня был первый? Мой школьный товарищ или Валера?

– Сложно сказать. Но тут тот случай, когда важно не что мы думаем, а что о нас думают.

Люба молча вздохнула.

– Ладно, Любаша, не расстраивайся, всё обойдётся.

Не зверь же он у тебя?

– Вот то-то и оно, что зверь.

– Он тебя, что? Бьёт?

– Бьёт, – вздохнула Люба. – И мама ногу сломала из-за него. Он налетел на меня с кулаками, мама бросилась меня защищать, да упала и сломала бедро. Теперь она ходить больше не сможет.

На глазах появились не прошенные слёзы, Любовь их смахнула. Гена обнял её нежно, жалея. Она повела плечами:

– Не надо.

Люба и Сёма появились на детской площадке через полторы недели.

– Не обошлось? – толи спросил, толи сказал утвердительно Геннадий.

– Нет, – тряхнула волосами Люба. – Но здесь, наверное, сама виновата.

– Это как это?

– Валера пришёл пьяный с бутылкой водки, выпил её почти всю и примотался, как пьяный до радио: «Давай в карты, сыграем». Ну и я выиграла.

– И он обиделся?

– У меня математический склад ума, я часто выигрываю, он привык. Нет, тут другое. Он кинул мне две последних карты – туза и короля бубей, а я их козырями покрыла, крестями, шестёркой и семёркой.

– И что?

– Да я возьми и скажи: «Бубья – крести, дураки на месте!»

– И что?

– Ничего. В глаз получила. Я заплакала, это его ещё больше разозлило, он бить начал. Я вырвалась, побежала, он меня нагнал в коридоре, сбил с ног, я упала лицом вниз, а он на меня сверху сел и стал бить кулаками по затылку.

Люба осторожно, сквозь волосы пощупала свой затылок.

– Болит ещё, – сообщила.

Гена осторожно обнял её, Люба заплакала:

– Я не могу так больше. Мать орала, Сёмка плакал, а ему всё равно было. Он встал и спать пошёл, как ни в чём, ни бывало, а утром сказал, что ничего не помнит и это я всё придумала. Потом, правда, извинялся, на коленях ползал, и секс у нас в эту ночь был такой хороший. А наследующий день опять всё сначала! Что мне делать? Устала я.

Он прижал её к себе, она не сопротивлялась.

– Уйди ты от него.

– Куда?

– Не знаю. А, с другой стороны: чего тебе уходить из своей квартиры. Пусть он уходит. Ему, наверное, не куда?

– Есть. У него квартира в соседнем районе, мы сдаём её.

– О, какой он у тебя!

– Вятские – ребята хватские. Он у меня оттуда, из-под Кирова.

– Так тем более. Что ты его терпишь? Гони его.

– А жить я на что буду?

- Так работу давно бы нашла.
- Он меня не пустит.
- Так сначала выгони, а потом найди.
- Ой, не знаю, что мне делать.
- Ну, тогда я тоже не знаю.

Гена снял руку с её плеча и оглянулся, показывая на дом сзади себя:

– Вот мой подъезд, пятый этаж, последний. Вон моя квартира, балкон видишь? Слева от подъезда?

– Вижу.

– Если сильно припекать начнёт – приходите с Сёмой. Две комнаты, как-нибудь разместимся.

– А мама?

– Да, тяжёлый случай. Ладно, телефон запиши, позволишь, если что.

– Запиши! Ага, чтобы сразу в глаз получить. Говори, я так запомню.

Гена чётко с расстановкой продиктовал телефон.

– Запомнила?

– Да.

– И в порядке шефской помощи. Я тут денюжку получил не запланированную.

С этими словами он достал из переднего кармана джинс несколько тысячных купюр.

– Сходи, пожалуйста, в магазин с Анжелой, купи ей платья, трусики, носочки... Ну, что скажет. И себе, можешь

кофточку купить.

Люба хотела что-то сказать, но Гена ей не дал:

– Не думаю, что твой муж все твои кофточки знает. Анжела! – позвал он.

– Что, пап? – подбежала Анжела.

– Сходи с тётей Любой в магазин. Знаешь, что тебе надо купить из одежды?

– Знаю, – кивнула девочка.

– Ну, вот и идите.

Подбежал Сёма:

– Вы куда? Я свами.

– Семён, – сказал строго Геннадий, – это женские дела, нам, мужчинам, туда соваться не надо. Иди, играй, они скоро придут.

Сёма недовольно побрёл в песочницу ждать подругу.

Через полтора часа из магазина появилась счастливая Любовь, а рядом, держась за её руку, скакала радостная Анжела.

– Ну? – спросил Геннадий. – Развлеклись немного?

– Да, – сказала Люба весело и протянула ему сдачу и чеки.

Гена спрятал, не считая, деньги, повертел в руках чеки:

– Зачем они мне?

– Как? – удивилась Люба. – Мало ли что, вдруг сдать придётся.

– А? Ну да, – согласился Гена.

Отношения их с этого дня стали стремительно развиваться. Они общались не только на детской площадке, но и пере-

званивались днём, рассказывали друг другу о своей прежней жизни, о своих увлечениях. Люба узнала, что Гена увлекается авиамоделированием и играет не в «Танки», как все нормальные мужчины, а в воздушный бой. Геннадий же узнал, что Люба хорошо умеет вязать и вышивает крестиком и гладью.

Мужа Любы отправили в командировку на неделю, вернее, он повёз руководителя фирмы, где он работал и подопечных американцев куда-то в соседнюю область.

Геннадий предложил провести, хотя бы один выходной, всем вместе, например, субботу, если уж так получилось, что Валерий временно покинул семью.

– В субботу я обычно в квартире убираюсь, – попыталась возразить Люба.

– Ничего, уберёшься в воскресенье, я тебе помогу. Провести день на природе, на свежем воздухе, за городом – что может быть прекрасней?

Люба согласиться. И в субботу они все четверо оказались за городом на соревнованиях авиамоделистов. Авиамодели жужжали в воздухе, устраивали меж собой воздушные бои, приводя в восторг зрителей и Сёму с Геной. Люба с Анжелой загорали на солнце, всем своим видом показывая, что они не разделяют щенячей радости своих мужчин. А потом была речка, а потом ещё кафе—мороженное. Вечером в квартиру к Любе они вернулись усталые и довольные.

Но тут навалилась забота. Люба нахмурила брови:

– Надо маме постель поменять. Ты поможешь?

– Конечно. О чём речь?

Они зашли в комнату матери.

– Здравствуйте, Таисия Кузьминична.

– Ой, Геночка, – обрадовалась мать Любы.

– Мамочка, я тебе сейчас постель поменяю. Гена, приподними маму, а я простынь из-под неё вытащу.

– Ну, вот ещё ерундой заниматься, – сказал Гена и с этими словами поднял Таисию Кузьминичну на руки.

– Ой, Гена, я тяжёлая, – заволновалась Таисия Кузьминична.

– Да, – согласился с ней Гена и Любе: – Что стоишь? Меняй постель.

– Геночка, вы уж не бросайте мою Любочку. Пропадёт она со своим муженьком. Как ей говорила: не выходи ты за этого козла. Не послушалась.

После ужина Люба показывала Анжеле свою вышивку, а Геннадий с Сёмой засели за ноутбук.

– Ой, какой жираф! – восхитилась Анжела и побежала показать вышивку папе.

– Папа, смотри, какой жираф!

– Ага, – кивнул Гена, не отрывая взгляда от экрана.

А Сёма недовольно и важно сказал девочке:

– Иди, иди, некогда нам ерундой заниматься. Мы с твоим отцом третий уровень проходим.

Позже Гена с Любой на кухне пили чай и болтали о раз-

ном, а дети в комнате Сёмы устроили весёлую возню.

– Хорошо с тобой, Гена, – сказала Любовь, – спокойно.

Геннадий пожал плечами ничего не ответив, слышать такие слова ему было, конечно, приятно.

В детской комнате наступила подозрительная тишина, пошли посмотреть. Уставшие за день, переполненные эмоциями дети сладко спали.

– Что делать будем? – шёпотом спросил Гена.

– Не будить же их? Сейчас разденем и уложим спать.

– А я?

– И тебя уложим, – улыбнулась Люба.

Геннадий, прислонившись к дверному косяку, наблюдал, как ловко Люба постелила две постели, раздела детей и уложила спать.

– Ну, всё, – сказала Люба, – пусть спят.

Она подошла вплотную к Гене, на губах её блуждала лёгкая улыбка. Он нежно обнял Любу и ласково поцеловал. Она смотрела на него и глаза её сверкали любовью.

– Пойдём ко мне, – прошептала она.

Они прошли в большую комнату, где располагалась супружеская кровать. Люба повернулась к Гене.

– Ты смотришь на меня, как влюблённая женщина, – улыбнулся Гена.

– А ты, как влюблённый мужчина, – ответила Люба на его улыбку.

После чего они долго ласкались, наконец, Люба сказала:

– Пойдём, я покажу в ванной полотенце, которым ты можешь воспользоваться.

Люба вернулась в комнату, разобрала постель, и села на краешек, улыбаясь: как же с ним было хорошо и легко и, главное, не страшно.

Почти перед самым приездом мужа Любы случилось несчастье: Сёма уронил свой ноутбук. Парень был в отчаянье. Люба позвонила Гене:

– Сможешь починить? Он с виду цел, но не работает.

– Попробую. Завтра после работы мы с Анжелой придём к вам.

Люба возилась на кухне, дети играли в большой комнате, а Геннадий открыл крышку ноутбука, отвинтил панель и что-то колдовал над внутренностями компьютера, потом ещё час восстанавливал данные. Наконец, довольный, отвалился на кресло и позвал Сёму:

– Принимай работу, приятель.

Сёма был в восторге. Люба позвала всех на кухню пить чай с тортом.

За столом разговорились, развеселились и в самый веселья услышали, как во входной двери проворачивается ключ. Люба побледнела.

– Это наш папа, наверное.

В коридоре раздалось недовольное сопение.

– Жена, у нас что, гости?

– Да, Валера. Ноутбук у Сёмочки сломался, и Геннадий

его починил. Сыночка, иди, встречай папу.

Сёма вылез из-за стола и побежал в коридор.

– Папа, – закричал он весело, – я вчера случайно уронил компьютер, а дядя Гена его починил.

– Молодец, дядя Гена. Что за дядя Гена такой?

Из-за угла показалось недовольное лицо Валеры.

– А, это ты! К бабе моей подкатываешь? А ты что ж, сучка, как только муж уехал, так сразу подол задрала!

Люба вышла из кухни, затолкала мужа назад в коридор и зашептала громким шёпотом:

– Что ты такое говоришь, Валера? Что же ты меня перед человеком-то срамишь?

– Человеком! – ревел Валера. – Кто он тебе, сучка драная? Это ты меня срамишь – чужого мужика в дом приволокла!

В коридор вышел Сёма с работающим ноутбуком в руках.

– Смотри, папа, он работает.

– Работает!

Разгневанный папа выхватил из рук сына ноутбук, поднял над головой и со всей дури швырнул его на пол. Ноутбук жалобно звякнул и разлетелся в куски. Сёма застыл с раскрытым ртом, слёзы брызнули у него из глаз, он упал на колени и ручонками стал сгребать куски ноутбука в одну кучу.

– Папа, папа, – плакал он.

– Ты что наделал, Валера? – растерянно пробормотала Люба.

– Я?! Ты, тварь, довела!

Валера размахнулся. Удар опрокинул Любу на спину, она проехала спиной по линолеуму и ударилась головой в противоположенную стенку.

– Ой, ой, ой, – закрывая лицо руками, запричитала Любовь.

Гена увидел округлившиеся от ужаса глаза дочери, развернулся всем корпусом на табуретке, встал резко, перескочил через Любу и бросился в коридор. Там он схватил Валеру за грудки, развернул и сильно приложил его спиной к стене. Стена задрожала.

– Ты, гад, если моего ребёнка заикой сделаешь, я тебя по стенке размажу, здесь зарю под плинтусом! Понял, гад!

Он зажал в кулак ворот Валериной рубашки и ткнул им чувствительно и резко в челюсть противника, глаза у Гены горели злобой и ненавистью. Хмель у Валеры сразу же улетучился.

– Ты, ты! – пытался сопротивляться Валера, – ты мою бабу! Ты кто? Ты кто? Ты... её! Да?

Он назвал Гену нехорошим словом, матерным, слово это, как-то Гене не понравилось, покорибило, и он ударил Валеру левым кулаком в печень, а правым, не выпуская ворот рубашки, ещё раз в челюсть, потом провёз его по стене и кинул через левое колено за себя. Валера ударился о пол спиной и, по инерции, ещё и головой, но тут же вскочил на ноги, оглядел всех ненавидящим взглядом. Гена стоял в решительной

позе, сжав кулаки, заплаканная Люба медленно поднималась по стене, у обломков ноутбука рыдал Сёма. За стеной, слыша шум драки, причитала Таисия Кузьминична.

– Да пошли вы все! – злобно произнёс Валера.

Он направился к входной двери, надел ботинки, погрозил кулаком в сторону Любы:

– Ты, тварь, ещё наплачешься у меня!

Открыл дверь и, громко хлопнув, закрыл её за собой.

Гена оглядел поле боя, вздохнул и сказал:

– Ну, что? Представление окончено, гроза прошла. Мы тоже, наверное, пойдём?

Люба посмотрела на него испуганными глазами, дотронулась двумя пальцами до рассечённой губы и произнесла:

– А вдруг он вернётся? Останься, пожалуйста. Часов в восемь уйдёте, он уж точно не вернётся.

– Хорошо, – согласился Гена.

Тут подошёл расстроенный Сёма с обломками ноутбука и спросил:

– Дядя Гена, а его починить можно?

– Нет, Сёма, нельзя.

– Не расстраивайся, сыночка, – сказала Люба, – мы тебе новый купим.

Мальчик отдал матери обломки ноутбука и грустно поплёлся в свою комнату.

– Рано ему ещё ноутбук, надо было ему приставку какую-нибудь попроще купить, – сказал Гена.

– Надо было. Валера перед Новым годом премию получил, вот и купил. Так вы останетесь?

– Папочка, я не хочу, – сказала жалобно Анжела.

– Пойдём мы, Люба. Телефон знаешь, если что – звони.

Отец и дочь, взявшись за руки, шли домой.

– Почему он такой злой, муж тёти Любы? – спросила Анжела.

– Не понравилось ему, что мы в его доме, – вздохнул Гена.

– Но мы же по делу?

– Не поверил.

– Почему?

– Не знаю.

На следующий день Геннадий и Любовь встретились на детской площадке.

– Ну, что Валера? – спросил Гена. – Звонил?

– Звонил. Потом пришёл, ноутбук принёс.

– Молодец. И ты его пустила?

– Он мне муж. Как я его не пущу?

– Понятно. И секс был великолепный?

– Да.

Люба опустила глаза вниз и покраснела.

– Ты так и будешь с ним мучиться.

– Валера хороший, ты просто его не знаешь.

– Конечно, откуда мне его знать?

– И как ребёнку без отца?

– А я? Тебе и Сёме со мной было бы лучше.

– Не знаю, наверное, но Валера отец Сёмы, компьютер ему новый купил.

– Ноутбук.

– Какая разница, Сёма очень рад.

Наступило неловкое молчание, они смотрели в разные стороны, друг на друга смотреть было невыносимо. Наконец Гена решился:

– Дочь, – позвал он, – пойдём домой, мне кое-что срочно по компьютеру сделать надо.

Гена смотрел в окно на детскую площадку. На скамейке сидел Валера с бутылкой пива. Неделю уже приходит, а Люба дома сидит. Гена и Анжела сюда, на эту площадку, уже не появляются, а ходят на другую в соседний двор.

15.02.2020 г.

Между прошлым и будущим

Чёрный внедорожник кружил по Замоскворечью, вырывая на улицу Большая Ордынка. Вёл его Иван Быков, ему чуть за сорок, он крупный сильный мужчина, сумел пережить лихие девяностые, сколотить не хилый капитал и теперь он владелец и директор небольшой, но процветающей фирмы. Жена Ивана, Кристина, сидела рядом на пассажирском сидении и смотрела в окно. Крестя не на много младше мужа, но выглядит лет на десять моложе: Иван на красоту жены денег не жалел.

Они оба из одного маленького городка в Волгоградской области. Первым приехал Иван, освоился, обжился, потом привёз Кристину. Она догадывалась, чем занимался Иван и что это за «бригада» такая, но делала вид, что не знает. А когда Иван обзавёлся легальным бизнесом, вздохнула с облегчением. Они вместе владели фирмой и дела вели вместе.

Любил Иван свою Крестю, любил с самого детства, она это знала и этим пользовалась. Сколько раз Иван говорил, что будет твёрд со своей женой, но она подластится и он таял.

Второе сентября, дети в школе, Иван с Кристиной едут в офис.

Впереди купола храма Папы Римского Климента, Кристина повернулась к Ивану.

– Вот сколько раз проезжаем мимо этой церкви и каждый

раз меня охватывает волнение, внутренняя дрожь, как будто меня с этой церковью что-то связывает. Что-то такое, переломное в моей жизни.

Иван остановил внедорожник у храма.

– Давай выйдем и посмотрим, что там тебя связывает. Действительно, сколько раз проезжали мимо, а внутри ни разу не были.

Кристина кивнула, соглашаясь, накинула лёгкую косынку на голову, и они вышли из машины.

Храм поражал внутри своим величием и пространством. Они прошли к центру церкви, народу было мало, только что кончилось богослужение. Кристина дрожала всем телом, Ивану тоже было не по себе.

– На экскурсию, молодые люди?

Иван и Кристина дружно оглянулись, перед ними стоял священнослужитель, кто он по церковному чину, они, конечно, не знали.

– Да. Сколько раз мимо проезжали, а внутри не были, – смущаясь сказал Иван, – а что это у вас вокруг церкви как бы крепостная стена?

– Так и есть, – ответил священник, – здесь была стрелецкая слобода, пока их Пётр I не выселил. Вокруг храма был острожек, маленькая крепость, предпоследняя перед Кремлём. Последняя была на Балчуге вокруг храма святого Георгия. Отсюда, от этого храма и началось изгнание поляков из Москвы. Он тогда, правда, был деревянным.

– Храм был деревянным, – прошептала Кристина, – на улице полуденное солнце, а здесь полумрак, горят свечи, пахнет воском.

– Пахнет воском, горят свечи, – повторил за женой Иван странным голосом, – и кровь на полу, и покойники...

– Да, – удивлённо произнёс священник, – так, наверное, и было. У вас хорошее воображение, молодые люди. Сначала поляки отбили острожек у наших, потом наши отбили его у поляков, убитые, конечно, были. И к вечеру наши выгнали солдат пана Ходкевича, польского гетмана, из Москвы. А вы муж и жена?

– Да.

– Венчанные?

– Нет. За этим и пришли, обвенчаться хотим в вашей церкви.

Кристина удивлённо посмотрела на Ивана.

– Жена, ты против?

– Нет, – замотала головой Кристина. – И всё-таки мне здесь как-то не по себе, как будто я уже здесь была. Хотя точно я здесь впервые.

– У меня тоже такое чувство, – согласился Иван.

– Бывает, что Господь приоткрывает пелену, открывая будущее, – сказал священник, – а бывает, что и прошлое. Но прошлое мало кого интересует, больше будущее. Пойдёмте со мной, наметим день вашего венчания.

Иван и Кристина вышли из храма молчаливые и задумчи-

вые.

– Может быть, не надо здесь венчаться? – усомнилась Кристина.

– Уже договорились, какая разница. Венчание двадцатого октября, долго как-то.

Внедорожник Ивана ехал по Большой Ордынке, вон показался крест Екатерининской церкви – за ней поворот, и они в офисе.

Но тут из Малого Ордынского переулка вылетел «джип», круто повернул направо, и его вынесло на встречную полосу, Иван не успел среагировать, как «джип» врезался в его внедорожник.

Палили пушки с Климентьевского острога, шла венгерская пехота, махали саблями казаки пана Зборовского и запорожцы атамана Ширая, а с севера, из Кремля и Китай-города могли сделали вылазку засевшие там поляки полковника Струся, но почему-то не сделали. Тяжело биться, ожидая удара в спину.

Острог, деревянную крепостицу вокруг деревянного храма Папы Римского Климента, казакам земского ополчения не удержать. Пороховой дым от пушек и пищалей сливался с туманом Москвы-реки.

Иван открыл глаза. Нет, это не дым, просто пелена перед глазами, но пушки в голове грохотали. «Реанимация», –

догадался Иван, — «Жив. Подушки безопасности сработали». Он повернул голову налево, на соседней кровати лежала Кристина. Жива! Движения утомили Ивана, он закрыл глаза и стал погружаться в туман. Гул сражения в голове утих. Зато появился голос, он срамлил, взывал к совести, Ивану стыдно слушать его, стыдно, что бежали из Климентьевского острога.

— Не стыдно, казаки, видеть белых польских орлов на православном храме? Католики в православном храме!

Со Вшивой горки от церкви великомученика Никиты хорошо было видно, как вдалеке за рекой на храме Папы Римского Клементя развевались красные стяги с белым польским орлом.

Иван знал, кто взывает к совести казаков. Это Авраамий, келарь Троицко-Сергиева монастыря. Он стоял на телеге, крытой попонами и пытался уговорить казаков опять перейти в брод Москву-реку и отбить острог у поляков.

— Где ваша слава, казаки? Померкла? Не ваши ли деды-прадеды Казань брали? А вы в карты да в зернь играете в то время, как ваши православные братья чашу смертную пьют!

— Что зря кричать, келарь? — отвечали ему казаки. — Вот наши придут, и мы ударим.

— Каких ещё наших вы ждёте, казаки? Наши не придут, наши все здесь. Князь Пожарский собирает воев у Ордынского брода, Кузьма Минин ведёт с Воронцова Поля дворян кня-

зя Трубецкого. Остальные из войска православного прячутся за печами, в лопухах да крапиве, и нападают на проклятых католиков-ляхов гетмана Ходкевича. И только вы в карты да в зернь играете и не хотите постоять за веру православную!

— Мы наги и нищи, — кричали казаки, — жалованья давно не было.

— А в зернь играть деньги есть, — упрекнул Авраамий и поднял два перста к небу. — Вот! Князь Дмитрий Михайлович сказал мне, что если веры и совести у казаков окажется недостаточно, то дать вам злато-серебро, что прислала моя братия с Троицкого монастыря.

Авраамий соскочил с телеги, откинул попоны и отошёл в сторону. Перед глазами казаков на летнем полуденном солнце засверкало серебро. Вздых удивления вырвался у казаков.

К телеге подошёл яицкий атаман Неждан Нечаев, стал рассматривать серебряный лом, брать в руки.

— Так это же потир, а это кадило, а это оклад с иконы. Это что такое, келарь? Серебро монастырское?

— Последнее решили братия мои положить на алтарь победы, ничего не жалеть.

— Что, братья, казаки, — закричал Неждан, — у нас и вправду совести и веры не оказалась? Я серебро церковное в оплату не возьму, грех. И так у меня грехов как на собаке блох. А самый большой брать не буду, нет. В острог ляхи обоз завезли для тех бедолаг голодающих, что в Кремле засели. До-

бычи хватит, братья. Ляхи думают, что они нас разбили, а нас без хрена не сожрёшь. Айда на острог! Ванька Бык, что молчишь? Скажи что-нибудь.

Ванька встрепенулся.

— А что, пошли!

Кзаки засмеялись, сели на коней и через брод подались к храму Папы Римского Климентия.

Венгерская пехота и немногочисленная польская шляхта, оставленная для охраны Климентьевского острога и обо-за для гарнизона Кремля, не ожидала появления только что наголову разбитых русских. Венгры изумились и побежали. Кзаки настигали их и с остервенением рубили, мстя за позор утреннего поражения.

Среди возов металась девушка в польском платье, Ванька Бык чуть конём её не придавил. Она посмотрела на него испуганными глазами и бросилась прочь. Кзак попытался поймать её, девушка вывернулась.

— Гжегож! — позвала она и в голосе отчаянье.

Иван вынырнул из небытия. Сколько он находился в нём, неясно, всё та же реанимационная палата. Иван повернул голову налево. Кристина смотрела на него испуганными глазами. Он хотел сказать ей, что с ним всё в порядке, пусть не боится, но опять провалился в никуда.

— Гжегож!

Ванька пустил коня за ней, он как-то душой понял, что эта девушка должна быть его и только его, а никакого не Гжегожа. Девушка бежала, оглядывалась, и страх прыгал в её голубых глазах.

– Гжегож!

Польский латный гусар появился откуда-то неожиданно, выстрелил из пистолета, Бык еле успел увернуться.

– Пся крев! – выругался всадник, отбрасывая бесполезный пистолет и позвал: – Кшися!

Девушка бросилась к нему, он посадил её боком в седло перед собой, и они поскакали прочь из острога. Ванька бросился в погоню. Они неслись через лабиринт сожжённых изб, выскочили на Ордынку и помчались в сторону Кремля. Гжегож вёл коня так, чтобы оставаться чуть левее от Быка, и тому рубить саблей его было не с руки.

Вдали показались царские сады, улица Балчуг, за ней наплавной мост через реку и Кремль, где засели поляки. А перед рекой острожек вокруг церкви Георгия на Ендове, позавчера отбитой поляками у казаков земского ополчения. Гжегожу и Кшиси осталось чуть-чуть, и они в безопасности, у своих.

Ванька зло осклабился, вытащил из-за пояса пистолет, подсыпал свежего пороха на полку и взвёл курок. Подскакав почти вплотную он выстрелил в правый бок ляху. Гжегож прогнулся и стал заваливаться на бок и рухнул с коня. Кшися завизжала, Иван ловко подхватил её и посадил перед собой

в седло, одновременно разворачивая коня. Девушка оцепенела от горя, не сопротивлялась.

Казачи в Климентьевском остроге деловито грабили обоз Ходкевича. И поляки со стен Кремля в подзорные трубы могли наблюдать, как провизия, предназначавшаяся им, переходит в руки проклятых схизматиков-москалей.

Ванька Бык въехал в острог. Флаги на храме с белым польским орлом успели сменить на малиновые знамёна с Христом Вседержителем в белом круге.

– Браты! – крикнул он. – Эта ляшка моя. Моя жена. Если погибну, пусть её возьмёт, кто хочет, а пока я жив, она моя.

– Любо, Бык, – отвечали казаки, – пусть так и будет.

Ванька подъехал к воротам церкви, соскочил с коня, снял с седла ляшку и поднялся в храм. Кхисья висла на руке Быка в полуобморочном состоянии.

Настоятель храма Папы Римского Климента от просьбы казака оторопел. Он утром отпевал своих погибших, теперь раздумывал: надо ли отпевать католиков? А тут – венчание.

– Чадо, – сказал он Быку, – в полдень вы обвенчаетесь, а к вечеру она вдовой может стать.

– Всё в руках Божьих, – согласился Ванька, – Я потому и хочу с ней обвенчаться, чтобы на том свете нам вместе быть. Или так не будет?

– Будет.

– Тогда венчай!

– Так она католичка.

– У нас на Яике на татарках женятся и персиянках. Не всегда венчаются, чаще вокруг куста по солнцу обойдут и, считай, поженились, но и у невенчанных детишки рождаются.

– В грехе, – напомнил поп.

– Да, но по воле Божьей. Так, батюшка, будешь венчать?

– Буду. Как звать?

– Иван.

– А невесту?

– Кшися.

– Как? – не понял поп.

– Тебя как звать? – спросил Бык и хорошенька потрянул невесту.

Кшися вышла из оцепенения и смотрела вокруг изумлённым взором. Ванька повторил свой вопрос, она смотрела на него, не понимая, он задал его ещё раз, уже теряя терпения. Девушка, наконец, поняла о чём её спрашивают.

– Кристина.

До неё дошло, что хотят сделать, и она было дёрнулась бежать из церкви, но казак крепко держал её за руку.

– Ножом пырну, – пригрозил он, – если будешь трепыхаться.

Кристине пришлось волей-неволей подчиниться.

Ванька Бык вышел из храма женатым человеком, ведя под руку невесту, у неё ноги подкашиваются, во взгляде отчаянье.

Неждан Нечаев кружил меж польских возов на гнедом ко-

не.

– Браты! – взывал он. – Казаки! Пан гетман Ходкевич таборм стоит у церкви Великомученицы Екатерины. Он думает, что он нас разбил и ему беспокоиться не о чем. Как бы не так! Князь Пожарский у Крымских Лужников ополченцев собирает, реку переходят. Кузьма Минин с дворянами литовскую роту смял. Они на табор Ходкевича идут. Айда и мы! Трубецкой с дворянской конницей вот-вот подойдёт. Бык, собирай свою ватагу, девку свою у Никитской церкви в таборе оставь, присмотрят.

Иван открыл глаза. Реанимация. Сколько он был в беспамятстве? Кристина по-прежнему смотрит на него с ужасом. А ведь в этом его бреду, та полячка была его Кристина, а не кто-то ещё.

Вошёл врач, осмотрел их.

– О, уже лучше, – сказал доктор. – Завтра можно будет в обычную палату перевести.

Врач внимательно посмотрел на Ивана.

– Всё хорошо?

– Да, – ответил Иван, – но вот только бред какой-то странный, как наяву всё.

Иван стал рассказывать, что ему привиделось, а доктор внимательно слушал.

– Бывает. Стресс, обезболивающее, лекарства. У вас хорошее воображение. Вы читали об этом или кино видели.

Вот мозг всё это переработал и выдал вам. Чудес не бывает, всё объяснимо.

Врач посмотрел на Быкова и засомневался. Прочитал ли этот человек хоть одну книжку?

– А когда поляки Москву захватывали? – никак не мог успокоиться Иван.

– Ровно четырёста лет назад. Праздник же объявили, седьмой год будем праздновать, Казанская, четвёртое ноября. Их выгнали из Кремля.

– Да? Странно, а в моём видении это конец лета, крапива высокая, лопухи.

– Ну, что вы хотели от бреда? – пожал плечами доктор. – Если хотите, я могу уточнить в интернете, когда чего было.

– Уточните, доктор.

Врач ушёл, Иван повернулся к жене.

– Представляешь, Кристя, какая хрень привиделась.

Кристина повернулась к Ивану, лицо её исказила ненависть.

– Зверь, зверь, ах, ты зверь, быдло, схизматик, москаль. Гжегож мой коханий. Мы с ним с детства обручены, мы любили друг друга. Я за ним в вашу проклятую Московию приехала, отца уговорила меня с собой взять в обоз. Гжегож у полковника Струся служил. А ты убил его, зверь! Бедный мой Гжегож. Мы нашли друг друга и потеряли. Я тебя убить хотела, когда тебя привезли с разбитой головой от храма Екатерины.

В голове у Ивана вспыхнул страшный бой у церкви Великомученицы Екатерины на закате летнего дня. И было это не правильное сражение двух армий, а кровавая драка, свалка. Рубились саблями и бердышами, стреляли в упор, кто кого пересилит. Польский гонор напоролся на русское упрямство.

– Что ж не убила? – это не Иван спросил Кристину, а Ванька Бык спросил Кшисю.

– Да вот не убила... Венчана с тобой, хоть и в церкви у схизматиков, а венчана. И пан Ходкевич постоял ночь на горах за Москвой-рекой да утром в Польшу ушёл. Я, шляхтянка, стала женой безродного казака... Гжегож, мой милый Гжегож!

Глаза Кристины наполнились слезами, она отвернулась и зарыдала в подушку.

Вошёл доктор, посмотрел на Кристину.

– Что с ней?

Иван пожал плечами.

– Ладно, сейчас успокоительного дадим. А я узнал: основная битва в Москве была летом, 24 августа 1612 года по старому стилю, по новому стилю – 2 сентября. Но всё равно, чудес не бывает, это вы где-то вычитали.

– Пелена приоткрылась, – пробормотал Иван.

– Что? – переспросил врач.

– Ничего, это я так. Спасибо, доктор, за беспокойство, – поблагодарил врача Иван Быков.

Когда врач ушёл, Иван спросил Кристину:

– Прошрое нам немного приоткрылось. Что мы с этим будем делать, жена?

Кристина промолчала.

14.12.2022 г.

Прогулка

- Подъезжаем. Смотри, как солнечно.
- Обещали солнце и лёгкий морозец всю неделю.
- А мы как две дуры над конспектами.
- Нет, Светик, мы будем иногда выходить погулять.
- На веранду? Или сразу на крыльцо?
- По участку.

Две девушки, две подруги, две студентки третьего курса болтали в пригородной электричке. Им по двадцать одному году, миловидные стройные с шикарными волосами – русыми у Маши и чёрными, как смоль у Светланы. Девушки ехали к Маше на дачу подготовиться к экзаменационной сессии.

- Станция Кабанова Гора, следующая станция Ершово.
- Пошли, – засобирались девушки.

У каждой на правом плече висела довольно большая дамская сумка, а в левой руке чемодан с одежной и едой. Еда – это чтобы не отвлекаться походами в магазин во время подготовки к экзаменам.

На пристанционной площади по одному краю расположились магазинчики, по противоположенному – легковые автомобили и остановка автобуса.

- У нормальных людей, – сказала Света, – дача находится рядом со станцией.
- Вот и ехала бы к нормальным, – огрызнулась Маша.

– Уже и посетовать на жизнь нельзя. И где автобус?

Света прекрасно знала, где находится дача, подруги неоднократно были вместе у Маши и летом и зимой. Они подружились как-то сразу ещё на первом курсе и часто проводили время вместе. Учёба им давалась легко и у них оставалось время на развлечения. Они везде появлялись вместе – спокойная рассудительная скромная Маша и шумная взрывная бесшабашная Света.

– Опоздали, девушки, – сказал мужчина кавказкой наружности. – Ушёл автобус.

Он стоял у старенькой тёмно-зелёной «девятки».

– Как ушёл? – не поняла Маша. – Он же всегда ждёт прибытия электрички.

– Правильно, но зимой из Москвы приезжих мало, а местных полный салон набился. Уехал.

– И что же делать? – растерянно произнесла Маша.

– На такси ехать, – подсказал мужчина.

– И где тут такси? – спросила Света.

– Вот, – мужчина показал на свою «девятку».

– А где шашечки? – не унималась Света.

– Вам, девушки, шашечки или ехать?

– Ехать, – сказала Маша и спросила: – Наверно дорого?

– Э, не дороже денег. А куда ехать?

– «Берёзки-2».

– Ну, не то, чтоб совсем далеко. Садитесь, договоримся.

– В эту колымагу? – засомневалась Света. – А мы доедем?

– Зачем ласточку мою обижаешь, слушай, а? Доедем в лучшем виде. Садитесь.

Девушки погрузили чемоданы в багажник, а сами сели на заднее сиденье. Автомобиль покатился по дороге. Вокруг заснеженные поля, вдали темнели полосы леса. Водитель балагурил всю дорогу.

Вдруг автомобиль дёрнулся и встал.

– Что случилось? – тревожно спросила Маша.

– Сейчас посмотрим, – сказал водитель, весёлость его куда-то улетучилась.

Он открыл капот и стал там копаться, слышалась ругань на незнакомом языке.

– Что-то серьёзно? – спросила Маша.

– Ремень генератора полетел.

– Куда полетел? – поинтересовалась Света.

– Всё туда же. Лопнул.

– И это вы называете: «Доедем в лучшем виде»? – с издёвкой спросила Света. – Где вид?

– Ну, девушки..., – развёл руками водитель. – Каркать не надо было.

– Я что – ворона? – вспыхнула Света. – За машиной следить надо.

– Починить можно? – спросила практичная Маша.

– Можно, но не здесь.

– И что нам делать?

– Здесь километров шесть осталось...

– Отлично, – сказала Света, – довёз в лучшем виде. Пойдём отсюда, Машух.

Из тёплого салона вылезать не хотелось, но надо.

– Девушки, а деньги?

– Какие деньги, дядя? – возмутилась Света. – Ты нас довёз? Где тут садовое товарищество? В шести километрах? Обойдётся.

– Девушки, я вас большую часть пути довёз. На ремень.

В голосе мужчины слышалась жалость, Света открыла сумочку, достала сто рублей и сунула в их в руку ошалелого водителя.

– На, дядя, и не в чём себе не отказывай. Ремень купи хороший. Он по тебе плачет.

Дорога была очищена от снега и льда и девушки по обочине бодро катили свои чемоданы к садовому товариществу.

– Как-то забавно год начинается, – вздохнула Маша.

– И не говори, – согласилась Света, – но первые пять дней выдались спокойными и скучными.

– Я бы сейчас поскучала на даче с чашечкой горячего кофе, – вздохнула Маша.

– Я бы тоже. Интересно: далеко ещё идти? Кругом лес. Ты узнаёшь местность.

– Нет. Я никогда не ходила пешком от станции. От станции до дачи километров двадцать, озвереешь идти.

– Я уже зверею. Хоть бы кто-нибудь подвёз.

И Света махнула рукой первой попавшейся машине.

Серый «LAND ROVER» остановился рядом с девушками, дверь открылась, и симпатичный молодой мужчина в дорогом пальто спросил:

– Дневной променада или подвезти?

– Подвезти, – сказала Света.

– Но вы же не подвезёте, – засомневалась Маша, – вы же не такси.

– Не такси, – согласился с ней мужчина, – мы с другом странствующие рыцари и помогаем прекрасным дамам, попавшим в беду. Что у вас случилось? Как вы оказались одни на дороге среди леса с двумя баулами?

– Это чемоданы, – обиделась Света.

– Хорошо, чемоданами. Так как же?

– Ехали, так сказать, на такси, – сказала Маша, – машина сломалась, пошли пешком.

– Это та зелёная «девятка» в километре отсюда?

– В двух, – слышалось из салона.

– В двух, – поправился мужчина.

– Она, – подтвердила Света.

– Сочувствую.

– Между прочим, не май месяц, рыцари, пойдём, Маша, когда идёшь теплее.

– Куда вы, девчонки, садитесь в машину, довезём.

– И сколько это будет стоить?

– Дорого, Маша. Доброе слово, ласковый взгляд.

– На ласковый взгляд даже не надейтесь, – отрезала Света.

– Хоть спасибо-то скажете?

– Скажем, – дружно пообещали девушки.

– Тогда садитесь. Открой багажник, – обратился мужчина в салон.

Он вышел помочь положить чемоданы в машину. Высокий, волосы светлые-светлые, почти белые, глаза серые, взгляд умный и холодный, ему лет тридцать – тридцать пять. «Какой красавец!» – мелькнуло в голове у Светы. – «Прекрасен, как Апполон».

– Далеко ехать? – спросил мужчина.

– Настоящий рыцарь, – сказала Света, – у прекрасных дам не спрашивает «далеко», а спрашивает «куда».

– Согласен, виноват. И куда ехать прикажете, прекрасная мисс?

– В «Берёзки-2», – ответила Маша за Свету.

– О! это нам по пути.

– Повезло, – сказала Света.

– Ещё как! – воскликнул мужчина.

Девушки разместились на заднем сидении, машина тронулась.

– Давайте знакомиться, – мужчина повернулся к девушкам. – Я Вячеслав, можно Слава. А это мой друг, товарищ, коллега Лев Иванович Иванов.

И Вячеслав показал на водителя явно армянской наружности.

– Шутит, – с лёгким акцентом сказал водитель. – Я Тигран

Аванесович Аванесян.

– Какая разница? И так, одна из вас Мария. А как вас зовут, прекрасная незнакомка?

– Светлана.

– Не разу не видел блондинок по имени Светлана, – изрёк Тигран.

– Ну, почему? – встрепелась Света, – есть и блондинки. А вам не нравятся брюнетки?

– Почему не нравятся? – сказал Тигран. – Не красивых женщин не бывает, бывают не любимые.

– Звучит как тост, – сказал Вячеслав. – Девушки, вас можно пригласить в ресторан сегодня вечером?

– Пригласить можно, – сказала Света, – а вот получить согласие – вряд ли получится.

– Почему? – удивился Вячеслав.

– А почему мы должны соглашаться? – вопросом на вопрос ответила Светлана. – И в чём мы пойдём? В джинсах?

– А что в «Берёзках» есть ресторан? – спросила Маша. – Не знала.

– В «Берёзках» нет, ни в той, ни в другой, – сказал Тигран, – но в Красной Дубраве, где мы обитаем, есть. Ну, не ресторан, кафе, но кухня хорошая, это я вам ответственно заявляю, как кавказец. И в джинсах туда пускают. Дресс-кода нет.

– О! коттеджный посёлок, – сказала Маша. – Вы там живёте?

– Да. В общем мы его и построили. Вернее, построила моя фирма по проектам Тиграна. Мы по профессии архитекторы, кончили один институт, Тигран работает по профессии, а я немного с боку. И, конечно, в посёлке наши два участка рядом.

– И семьи ваши рады, довольны? – спросила Света.

– К сожалению, у нас нет семей, – сказал Вячеслав, – мы в активном поиске.

– Почему нет семьи? Вам же много лет?

– Много лет – это по-вашему – сколько, Светлана?

– Лет тридцать пять, плюс минус.

– Тридцать пять будет в этом году. А вам, девушки, восемнадцать исполнилось?

– Двадцать два будет в этом году, – ответила Света.

– Взрослые. А зачем на дачу едите зимой?

– Чтобы к экзаменам готовиться в тишине и покое.

– Это похвально. Студентки?

– Сами угадали или кто-то подсказал?

– Что вы такая злая, Светлана? Девушки, давайте на «ты».

– Давайте, Слава, – согласилась Света, – и почему вы не женаты?

– Некогда было, – ответил Слава, – учились, работали, зарабатывали деньги.

– Учились зарабатывать деньги? – уточнила Света.

– И это тоже, – улыбнулся Тигран.

– Хорошо, продолжаем разговор. Что вы с делаете в своём

посёлке?

– Живём и работаем, сказал Вячеслав.

– Мы люди творческие, а творчеству нужна тишина, – добавил Тигран. – Делать проект – нужен полёт фантазии и клиенты попадаются очень капризные.

– Тигран живёт в Красной Дубраве, живёт почти безвылазно, а мне приходится бывать в Москве. Сейчас работы мало – зима.

– И у тебя, Слава, нет машины?

– Почему нет? Есть. Зачем эксплуатировать две машины, Света, когда можно одну? А вы кем станете, когда выучитесь? Так много вопросов задаёте.

– Журналистами. Вот выведем ваши кампании на чистую воду, будете знать.

– Не надо грязи, Света, – сказал Тигран, – у нас всё чисто. Мы честные бизнесмены.

– У налоговой претензий нет, – серьёзно сказал Вячеслав.

– Пока, – заключила Света.

– Какая же ты не хорошая, Светлана. А почему Мария всю дорогу молчит?

– А что мне говорить? Вы так мило беседуете. Мы почти приехали, сворачиваете.

Автомобиль свернул налево, въехал в распахнутые ворота над которыми красовалась облупленная надпись: «Садовое Некоммерческое Товарищество «Берёзки-2».

– А теперь у пруда направо, – командовала Маша, – всё,

вот участок, приехали. Спасибо вам.

Все четверо вышли из машины.

– Давайте вам поможем донести чемоданы.

– Не удобно вас эксплуатировать.

– Ну что ты, Маша, – сказала Света, – они же рыцари.

– Да, между прочем, – согласился с ней Вячеслав.

Маша открыла калитку и смело двинулась по девственно чистому пушистому снегу.

– А дачка-то – советский постмодернизм, – сказал Слава.

– Что? – не поняла Света.

– Старая дачка, говорю, ещё советская.

– Не совсем, – ответила Маша, – скорее постсоветская.

Деду на заводе дали в году так восемьдесят девятом или девяностом. Расположение неудачное в плане добираться, но участок и дом обошёлся по цене видеомагнитофона, как шутил дед, в тысячу рублей. Здесь раньше жили все заводские, с одного района, даже с одного дома.

– И у всех нашлась тысяча рублей? – удивился Тигран.

– Нет, конечно, завод ссуду дал, но ссуду так и не отдали, завод разорился. Вернее, разорили. С американцами мир, дружба, жвачка, военный завод не нужен. Дед это не пережил.

– Не надо о грустном, Маша, – сказал Вячеслав.

– Я его совсем не помню, когда он умер мне два года было, мне о нём мама рассказывала.

Мужчины занесли чемоданы девушек на веранду.

– Ну, и где ласковое слово? – спросил Вячеслав.

– Спасибо, мальчики, – улыбнулась Света.

– Не за что, девочки, – улыбнулся в ответ Вячеслав.

– Мы заглянем на огонёк, – сказал Тигран.

– Заглядывайте, – разрешила Света.

Мужчины ушли. Снимать с себя верхнюю одежду девушкам не хотелось: в доме ужасно холодно.

– Зря мы их отпустили, – сказала Света, – надо бы их заставить дров принести, печь растопить и дом прогреть.

– Ну, ты совсем уже.

– А что такого? Они же рыцари. Ну, классные же мужики.

– Классные? Чего там классного? Мужики как мужики.

Ничего особенного.

– Ничего особенного? – удивилась Света. – А ты вообще их хорошо разглядела? Тебе какой больше понравился?

– Я разглядела, что ты очень навязчивая.

– Я?! Маша, таких мужиков упускать нельзя.

– Ну, так не упускай.

– Значит, у меня свобода выбора?

– Конечно.

– Тогда Вячеслав.

– Почему не Тигран?

– Армяне – они чёрные страшные.

– Ты себя в зеркале давно видела?

– Вот! Противоположности притягиваются. Значит – Вячеслав.

– Определилась? Тогда пошли за дровами.

Печь условно делила комнату на две неравные части. В большей располагался диван-кровать, старый телевизор и трюмо, в меньшей – обеденный стол, разделочный стол, на котором стояла электроплита.

Девушки принесли дрова, растопили печь и занялись приготовлением ужина. Через два часа в доме было уже не холодно, ужин был приготовлен и, даже, уже съеден, подружки расположились пить чай с конфетами и разговорами, когда в дверь постучали.

– Ты кого-то ждёшь? – с подозрением спросила Света.

– Почему я? Может быть, это Слава.

– Ага, Слава, – с сарказмом произнесла Светлана, – но всё равно тебе открывать. Ты тут хозяйка.

– И не поспоришь, – вздохнула Маша и пошла открывать дверь.

– Ой, Серенький, – вскоре из веранды раздался радостный голос Маши. – Ты откуда тут? Ну, проходи, проходи. Раздвайся здесь, у нас тепло.

Вошёл парень, года на три старше подруг, среднего роста, ничем не примечательный. Светлана оглядела его оценивающе: менеджер среднего звена, в лучшем случае, с Вячеславом никакого сравнения.

– Вот, это моя подруга Светлана, однокурсница, а это мой друг детства Сергей Горохов. Мы с ним выросли в одном дворе, учились в одной школе, а потом наши пути разо-

шлись. Если и встречались, то только здесь на даче. Давно не виделись.

– Да, давно, – подтвердил парень, – а я смотрю свет у вас загорелся, дай, думаю, зайду, а вдруг это ты приехала.

– Да, это я, вернее – мы. Садись, Серёжа, я сейчас чашку принесу. Ты же будешь с нами чай пить.

– Конечно, буду.

– Ты окончил свою Ветеринарную академию?

– Да уже года два как. С красным дипломом.

– Молодец. По специальности работаешь?

– Конечно. А иначе зачем было учиться?

Сергей сел за стол, Маша принесла ему чашку, и они пустились в воспоминания детства и юности. Света заскучала.

Когда Сергей ушёл, Света спросила:

– Ну и что это было?

– Ничего, это просто мой друг.

– Да, это мой друг, я с ним сплю.

– Фу, Косарева, какая вы грубая не женственная. Я с ним не сплю. Ну, хорошо, не друг, знакомый.

– Вот так вот, Полякова, хороших мужиков ты отшвыриваешь от себя, а радуешься какому-то нищерброду.

– С чего ты так решила? Почему нищерброду?

– По одежде.

– Вообще-то, он на даче, одежда может быть и обманчивой.

– Ага, помечтай. Короче, мой – Слава.

– Да пожалуйста, жалко, что ль. Ладно, убираем со стола, маринуем шашлык на завтра и спать. Согласна?

– Согласна.

Утро выдалось солнечное, снег блестел на солнце, по забору куда-то по своим делам шёл чёрно-серый кот, брезгливо отряхивая лапы.

Светлана вышла на крыльцо в старых валенках, в джинсах, белом свитере и белой вязанной шапке с большим помпоном, вздохнула морозный воздух, улыбнулась солнышку. В доме Маша на обеденном столе разложила учебники, конспекты и ждала подругу, которая вышла, по её словам, освежить голову перед подготовкой к экзаменам.

Раздался гудок, к забору подкатил серый «LAND ROVER» и оттуда вышли Вячеслав и Тигран.

– Гостей принимаете? – спросил Вячеслав, улыбаясь во весь рот.

– Нет, – ответила Светлана, – мы учиться собрались.

– Какая ещё учёба? Сегодня Рождество, грех работать, праздновать надо. Завтра будете готовиться к своим экзаменам. Вы надолго приехали?

– На неделю.

– Ну, ещё успеете подготовиться, а сегодня мы приглашаем вас совершить конную прогулку.

– Но мы не умеем сидеть на лошади.

– И не надо, вы будите сидеть в санях. Ну, как? Поехали?

– Я-то согласна, но вот Машка.

– Приглашайте в дом, будем уговаривать вашу Машу.

– Проходите.

За столом лицом ко входу сидела Маша в бардовом свитере с оленями, перед ней лежали тетрадки и книжки, справа от неё стоял электрический самовар, чашки и две вазы с конфетами и печеньем.

– «У самовара я и моя Маша», – пропел Слава. – Привет, Маша.

– Здравствуйте, – Мария слегка удивилась их появлению.

Архитекторы профессионально оглядели жилище.

– Да, снаружи домик так себе, – произнёс Вячеслав, – а внутри... О! Винтовая лестница на второй этаж.

– Это папа придумал и сам сделал, – сказала Маша, – и очень этим гордиться.

– И есть чем, – закивал головой Тигран, – сколько места освободилось. Но нашим клиентам вряд ли понравиться: тяжело забираться.

– Это так, – сказала Маша, – но мы привыкли.

– Молодым может даже понравиться, – сказал Вячеслав, – ты это возьми на заметку, Тигран. А в этом чуланчике справа, наверное, биотуалет. Печально, Тигра, но должен заметить, простой народ прекрасно обходиться и без архитекторов.

– Есть самородки, – согласился Тигран, – работать мешают.

– Мы, Маша, пришли пригласить вас прокатиться в санях, на конную прогулку.

– Нам надо готовиться.

– Сегодня Рождество, грех, завтра будите готовиться к своим экзаменам.

– Это дорого стоит, а у нас не так много денег.

– Кто говорит про деньги, Маша, – горячо заговорил Тигран, – мы вас приглашаем. У нас есть деньги.

– Но вы нас совсем не знаете.

– Вот и познакомимся поближе, – сказал Вячеслав, – после прогулки ходим в ресторан, в смысле, кафе. Посидим, пообщаемся, отметим Рождество. Прокатить прекрасных дам на лошадях и угостить вкусным ужином у нас с Тиграном денег хватит, мы не разоримся.

– Ну, не знаю, – произнесла Маша и посмотрела на Светлану.

– Мы согласны, – решила Света за Машу. – Форма одежды?

– Ну, я думаю, – сказал Вячеслав, оглядывая девушку с ног до головы, – идти в валенках в ресторан слишком экстравагантно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.